

Сергей Кузнецов

**Подобно тысяче
громов**

Издательские
решения

Девяностые: сказка

Сергей Кузнецов

Подобно тысяче громов

«Издательские решения»

2005

Кузнецов С. Ю.

Подобно тысяче громов / С. Ю. Кузнецов — «Издательские решения», 2005 — (Девяностые: сказка)

В один день погибают две девушки. Женя Королева – предположительно отравлена. Мила Аксаланц – предположительно доведена до самоубийства. «Гуру по жизни» Юлик Горский и Антон, его Арчи Гудвин, расследуют эти две смерти, такие разные и тем не менее таинственно связанные. «Подобно тысяче громов» – роман из Москвы образца 1994 года. Рейв-культура, бизнес по-русски. Сказка и реальность, история любви, история дружбы. Первая часть трилогии Сергея Кузнецова «Девяностые: сказка».

© Кузнецов С. Ю., 2005

© Издательские решения, 2005

Содержание

Предисловие	6
Лепесток первый	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Кузнецов

Подобно тысяче громов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иллюстрация на обложке © reznik_val – Fotolia.com

Предисловие

*Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли,
Быть по-моему вели.*

Валентин Катаев. Цветик-Семицветик

*Из глубины этого сияния раздастся естественный звук Истины, подобный тысяче громов. Гремящими раскатами прогрохочет он, и среди них ты услышишь крики «Бей! Убивай!» – и мантры, внушающие страх. Не бойся; не беги; не ужасайся; знай, что эти звуки – умственное содержание твоего собственного внутреннего света.
Тибетская книга мертвых (Бардо Тёдол). Седьмой день Чёнид Бардо*

Предисловие к электронному изданию

Этот роман должен был называться «Семь лепестков: второй приход», однако чрезмерное внимание ГосНаркоКонтроля к первой версии («Семь лепестков», «Амфора», 2003) заставило отказаться и от остатков старого названия и от слова «приход». Поэтому я поменял название на «Подобно тысяче громов» и написал предисловие с перефразом классического текста конца XVIII века.

Впрочем, все эти игры в кошки-мышки и иронические цитаты не отменяют моей благодарности издательству «Эксмо», издавшему «Подобно тысяче громов» в ситуации, которая выглядела более рискованной, чем оказалась в конце концов.

В настоящее издание внесены некоторые небольшие изменения – вставлена выпавшая при верстке фраза и по просьбе Ст. Ф. Ростockого возвращена реплика одного из персонажей.

Предисловие к бумажному изданию

Первую версию этого романа я писал два года и, когда закончил, был так счастлив, что не смог даже как следует его перечитать. Это была моя первая книжка, первый роман трилогии «Девяностые: сказка», затем последовали «Гроб хрустальный» и «Серенький волчок». Закончив третью книгу, я присмотрелся и понял, что трилогии не получилось: слишком велик стилистический разрыв между завершающим романом и первыми двумя. «Семь лепестков» и «Гроб хрустальный» – довольно слабые романы, даже в сравнении с «Сереньким волчком». Именно поэтому я решил переписать первые две книги. Недавно вышел «Гроб хрустальный: версия 2.0», теперь пришла очередь романа, открывающего цикл.

Я надеялся, что потребуется только косметический ремонт, но пришлось сделать полную перепланировку. Образовался совершенно новый роман – новый эмоционально, стилистически и идеологически. Даже финал другой. В последний момент изменилось даже название.

Критики очень хотели видеть в «Семи лепестках» роман с прототипами. Пользуясь случаем, хочу заявить, что прототипы есть разве что у журнала «Летуч» и его главного редактора. Я не назвал их настоящими именами, только чтобы не очернить реальных людей, делавших «Птуч»: в отличие от персонажей романа сотрудники Игоря Шулинского никогда не были вовлечены ни в какие уголовные дела. Другое дело, что истории, которые вспоминают герои, в самом деле могли происходить со мной или другими людьми, знакомыми и незнакомыми. Короче, все как всегда – сходство или совпадение имен, фамилий и фактов биографий случайно.

Неслучайно только совпадение со временем: потому что, как не крути, это книга про первую половину девяностых годов. Было бы несправедливо назвать роман «Подобно тысяче громов» апологией этого тяжелого периода в истории нашей страны. Напротив, это роман-обличение, живописующий картины нравственного распада людей, снедаемых всеми пороками своего времени: алчностью, сладострастием, себялюбием. Читатель встретит здесь персонажей, характерных для описываемой эпохи: коммерсантов, наживающихся на несчастьях русского народа, женщин, пожертвовавших своим целомудрием ради иллюзорных благ материального мира, наркоманов, погубивших свою жизнь и свой мозг употреблением так называемых легких наркотиков. Нынешняя редакция романа не оставит у читателя сомнения в злокозненности и порочности образа жизни, избранного для себя персонажами книги. Их счастье кратковременно и быстротечно; оно подобно молнии, обманчивый свет которой лишь на миг украшает небо, чтобы вернее низвергнуть в пучину смерти несчастных людей, ослепленных этим блеском.

Обличая в романе те или иные человеческие пороки, невольно приходится их живописать, предоставляя слово людям, чьи взгляды не может разделить ни автор, ни читатели. Я верю, что те или иные рассуждения, встречающиеся на страницах романа вследствие определенного характера некоторых действующих лиц, не смогут кому-либо повредить – независимо от того, касаются ли они экономики, морали или действия психоактивных веществ. Читателю следует только помнить, что в силу специфики художественной литературы, не все, высказанное на страницах романа отвечает взглядам автора. В реальной жизни же следует руководствоваться не сомнительными рассуждениями вымышленных лиц, а нравственным чувством и Законом Российской Федерации. И тогда, закрыв эту книгу, читатель с легким сердцем сможет повторить слова классика: «Как сильно изображенный в романе порок заставляет любить многом благодаря им состоялась вторая версия этого романа.

Я рад выразить свою благодарность Ксении Рождественской, редактору первой версии, а также Мите Волчеку, Александру Гаврилову, Алене Голяковской, Линор Горалик, Льву Данилкину, Владимиру (Диме) Ермилову, Демьяну Кудрявцеву, Максиму Кузнецову, Татьяне Макаровой, Александру Милованову, Юле Миндер, Вадиму Назарову, Сергею Немалевичу, Маше Нестеровой, Антону Носику, Кате Панченко, Станиславу Ф. Ростockому, Соне Соколовой, Сергею Соколовскому, Максиму Фраю, Максиму Чайко, Вадиму Эпштейну, Леониду Юзефовичу, а также всем тем, кто поддерживал меня в девяностые и другие годы.

В заключении я хочу выразить особую благодарность Елене Дмитриевне Соколовой, без которой вторая версия этой книги никогда не была бы написана. Ее профессиональные консультации были для меня также чрезвычайно важны при написании первой версии. Эта книга посвящается ее светлой памяти.

Комната кажется почти пустой. Несколько стульев, диван, низенький столик. Два чемодана у двери. На полу аудиоцентр – его завтра заберет Никита. Комната пуста, как тело, которое вот-вот покинет душа.

Юлик Горский нажимает кнопку электрического моторчика. С легким жужжанием инвалидное кресло катится к темному окну. За окном падают во тьме снежинки, светятся ночные огни домов, трассируют автомобильные фары далекого проспекта. Горский привык смотреть на Москву с четырнадцатого этажа – завтра он увидит город с высоты птичьего полета.

Приятного путешествия, одними губами говорит Горский, have a good trip¹. Сколько трипов здесь было, сколько раз стены расцветали неведомыми цветами, колыхались, дышали, вибрировали в одном ритме с Космосом. Сейчас они неподвижны: серые невзрачные обои, стершийся рисунок. Только напротив дивана – приколотая булавками цветная картинка. Копия тибетской тангхи: разноцветная мандала, пары тибетских божеств четырех цветов танцуют по краям, а в радужном центре лотосовый владыка танца обнимает свою красную дакини.

Горский любил рассматривать тангху: иногда, покурив, он медитировал, и ему казалось: колышутся лепестки лотосов, изгибаются руки танцующих богов, а кровь вот-вот перельется через край чаши. Иногда он пытался медитировать без всякой травы – ему казалось, получалось не ахти как, только однажды померещилось: он вот-вот уйдет внутрь рисунка, как герои детских книжек, находившие двери в иные миры в самых необычных местах. За свою психоделическую жизнь Горский открыл не одну такую дверь – но сейчас он думает о закрытых дверях, о створках, что навсегда сомкнутся завтра.

Закрытые двери скрывают прошлое, прошлое – всегда тайна, даже если это прошлое – твое собственное. Будущее сулит исполнение желаний, будущее всегда открыто, хотя и не выполняет обещаний. Неподвижно сидя в кресле, Горский думал об этом одиннадцать месяцев – думал, тоскливо глядя на огни автомобилей, на мерцающую мозаику светлых оконных прямоугольников в доме напротив, на снежинки, тополиный пух, осенние листья, танцующие внизу, бессильные взлететь к окну. Листья не могут подняться выше третьего или четвертого этажа, думал Горский, я не могу подняться с кресла и, когда подойдет мой срок, тоже лягу на землю в ожидании белого покрова.

Иногда Горскому казалось, что осталось совсем недолго – даже если годы и годы, все равно – недолго. Жизнь вообще коротка – и наперед ясно, что от нее останется: кресло, окно, тангха на стене, музыка, по последней лондонской моде; трава, грибы, кислота, кетамин. В такие моменты Горский снова и снова повторял себе, что будущее – открыто. Даже здесь, заточенный в комнате на четырнадцатом этаже, он един с миром, един со всей вселенной, един с Богом, кем бы ни был этот Бог, чем бы Он ни был.

Одиннадцать месяцев Горский говорил себе, что случившееся с ним – это шанс. Шанс открыть внутренний космос, шанс обрести глубинную неподвижность, научиться принимать судьбу. Друзья говорили: ты прекрасно держишься. Они не знали – раз в неделю, даже чаще, Горский просыпался в слезах: ему снилось, что он танцует посреди dance floor, плавает в Лисьей бухте, спускается в метро, занимается любовью с Ириной, Машей, Катей... со всеми женщинами, которые были у него. Наяву он старался об этом не думать, наяву повторял: будущее – открыто, будущее всегда – чистая потенциальность, склад возможностей, магический цветок, исполняющий желания.

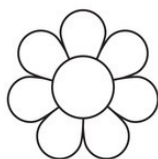
Горский смотрит в окно. Огни в доме напротив гаснут, снежинки кружатся, Москва засыпает. Закрытые двери прошлого хранят свои тайны. Словно шкатулки. Словно чемоданчик драгдилера. Словно нераспечатанный CD. Где-то за этими дверями – первая затяжка, непривычный сладковатый запах, трое подростков передают друг другу косяк, The Doors или Pink Floyd, дальше – Крымское солнце, московский снег, осенние листья в лесах под Ленинградом, крошатся в руках грибы, оживают предметы, мы едины с космосом, понимаешь? Потом – «Гагарин-Пати», эсид хаус, амбиент, техно, гул музыки, шум танков, идущих на Белый дом, далекий грохот орудий, щелчки выстрелов, стук подошв по осенней мостовой, резкая боль в спине. Койка в больнице, доктор, а чем вы делаете наркоз? Первый легальный трип, отходняк в палате, мы больше ничем не можем вам помочь, инвалидное кресло, четырнадцатый этаж.

¹ зд. – хорошего полета (англ.)

Прошлое – закрытые двери в длинный коридор. То, что случилось за ними, случилось не с тобой. Тебя не было там, где сплеталась сеть, где падали в землю семена, там, где сокрыт исток твоего сегодня. Ты можешь только вообразить... только попытаться вообразить.

Почему комната почти пуста? Почему – собранные чемоданы, упакованные книги, только одна картинка на стене? Почему в бумажнике лежит билет на утренний рейс? Где начало, где исток, за какой закрытой дверью?

Только вообразить, только попытаться. Горский закрывает глаза, видит Антона. Тот стоит на балюстраде, опоясывающей большой холл. Дым косяка уже растаял, в ушах играет музыка, на поясе, как всегда – плеер. Что слушает Антон? Наверное, «Shamen», да, точно, «Shamen», он же говорил. Итак, Антон слушает «Shamen» и смотрит вниз, перегнувшись через перила. Там, в холле возле круглого стола – семь человек: пятеро мужчин и две женщины...

Значит, пятеро мужчин и две женщины. После травы стали четче не только звуки, но и очертания предметов – словно кто-то подкрутил ручку настройки в телевизоре или протер влажной тряпкой *тусклое стекло*. Фигуры в колодце холла двигаются, словно танцуют в каком-то безмолвном балете.

Пятеро мужчин и две женщины. Несколько бутылок водки на столе. Все уже изрядно пьяны, всем – за тридцать, как любит говорить Антон – *старые алкоголики*. Но музыка в наушниках, тетрагидроканнабиол в крови, конопляный дым в воздухе... даже такие люди кажутся красивыми, понимающими, интересными. *Позитивными*.

Сидор, Владимир Сидоров, улыбается сдержанно, руки заложил за спину. Высокий, широкоплечий, похожий на героя всех американских боевиков сразу. Двигается по холлу, стараясь никого не упускать из виду – не то хочет быть радушным хозяином, не то слишком привык все держать под контролем, не может расслабиться даже теперь, когда кругом свои, знакомы едва ли ни с первого класса. Он разговаривает с Поручиком, Борисом Нордманом, но то и дело окидывает взглядом гостиную.

Поручик размахивает руками, теребит черную бородку. Не то пьян, не то счастлив, не то возбужден. Почти одного роста с Сидором, но кажется ниже – все время двигается, выюнком оплетает собеседника, размахивает руками, вжимает голову в плечи, переминается с ноги на ногу, танцует какой-то ему одному известный танец.

Рядом с ними – рыжеволосая стройная Женя. Вечернее платье, открытые плечи. Свет искрится на пальцах, на алмазных гранях колец. Золото и бриллианты, думает Антон, все-таки красиво, в самом деле. Даже без травы красиво, а сейчас – просто полный отпад. Он не сводит глаз с переливающихся Жениных пальцев. Кто бы мог подумать, что в дорогих вещах скрыт такой психоделический потенциал, думает он.

Все остальные сидят. Леня Онтипенко, голубоглазый толстяк, большие очки, золотая оправа. Улыбаясь, слушает Женю. Если бы тела отражали взгляды, как зеркало, он бы встретился глазами с Антоном, заторчавшим от бриллиантового блеска. Впрочем, Онтипенко смотрит не на пальцы, а на плечи, матовые, теплые, пахнущие духами и жарким потом... Он счастливо улыбается и не сводит с Жени глаз.

Дальше – Женин муж, плотный, коротконогий Роман Григорьев. Единственный из мужчин – в костюме. Сидит неподвижно, полуприкрыв глаза. Кажется, будто дремлет – и только изредка тянется к бутылке, наполняет рюмку и выпивает, чокаясь с Андреем Альперовичем. Альперович, худощавый брюнет, стоит, едва улыбаясь, то и дело барабанит пальцами по столу,

смотрит то на Женю, то на Рому, а то – поднимает голову, на секунду встречаясь взглядом с Антоном. На Поручике, Альперовиче и Онтипенко – джинсы и футболки, Сидор – в черных брюках и белой рубашке, Женя в вечернем платье, Роман, как мы уже знаем, в костюме. Если бы здесь был мой брат, думает Антон, он разъяснил бы, что такие джинсы и майки стоят не дешевле вечернего платья или костюма. Жалко, что я в этом ничего не понимаю. Впрочем, почему жалко? Слава богу, я ничего в этом не понимаю, думает он.

Вот такой, значит, расклад. Трое стоят, четверо сидят, и Антон не слышит, о чем они разговаривают. Зато слышит, как Теренс Маккена вещает в наушниках: рейв-культура заново открыла магию звука и пророчит скорое достижение точки омега

Четверо сидят, ах да, кто же четвертый? Конечно, Лера – полная брюнетка, черные ботинки, шерстяные носки, платье, скрывающее необъятную фигуру. Под платьем у нее корсет, крючки на спине, расстегивается удивительно легко, падает на пол, в одну кучу с черным платьем, черными трусами, черными ботинками, которые Лера сразу сняла, войдя в Антонову комнату. Антону кажется: Лерино тело все еще продолжает колыхаться, как сегодня ночью: это, наверное, эффект травы.

Амбиентное техно Колина Ангуса тянет за собой на пыльные тропинки внутреннего космоса. Антон поворачивает колесико громкости – но вместо того, чтобы прибавить звук, случайно сбивает до минимума. Слышен низкий глубокий голос Леры: *... а тот ему: «Нет, моя очередь, ты уже за кофе сегодня платил»*, смех Сидора и Поручика. Роман, почти не поднимая век, пожимает плечами, Леня смеется, поправляя очки и не сводя глаз с Жени, а та едва улыбается. Андрей говорит:

– Смешно, но на самом деле – брехня. Мне такие не попадались.

– Да ну, старик, – вступает Поручик, – ты же мне рассказывал: тебе Круглов «Rolex» подарил. На ровном месте.

– Так это же был не подарок, – отвечает Андрей. – Это было вложение. Инвестиция. Я взял часы и я ему должен. Не надо было брать, к слову.

Антон делает музыку громче. Он чувствует себя ди-джем: вместо одной из вертушек – живые люди. Можно выключить или сделать чуть тише – всего один поворот колесика. Видео-клип, думает он, наблюдая, как Поручик разливает «Абсолют» по рюмкам, единственный в мире видеоклип из жизни русских коммерсантов под Re: Evolution. Очень круто. Снять и продать на MTV. *Это в самом деле красиво.*

Семь фигур в колодце холла, безмолвный балет, тайная красота, скрытый смысл. Может, только новое звено в цепи иллюзий, результат третьего подряд косяка. Но понимание столь властно, столь могущественно, что Антону не хочется от него отказываться. Все приобретает смысл, все события последнего месяца стягиваются к сегодняшнему вечеру...

Еще три недели назад Антон работал барменом в ресторане «Санта-Фе» – на верхнем этаже модного клуба «Гиппопотам». Это была хорошая работа – через два дня на третий – начальство ценило Антона: он не пил на работе. Это было нетрудно: Антон и вне работы абсолютно равнодушен к алкоголю. В его жизни хватает веществ поинтереснее – собственно, благодаря этому интересу он с работы и вылетел.

В дымно-пьяный июльский вечер Антон, как всегда слегка подкуренный, разговорился с клиентом, типичным героем анекдота о «новых русских» – малиновый пиджак, золотая цепь в палец толщиной. Ему бы зваться Вованом, а он представился Юриком.

– А вот ты, сколько можешь выпить? – спросил он Антона, и тот не сдержался:

– А зачем мне пить? Ни ума, ни смелости. Вот калипсол!

– Чего? – переспросил Юрик.

– Кетамин. Знаешь, в ампулах. У первой аптеки продают.

– А его что, пить?

– Зачем пить? В мышцу колоть.

Потрясенный Юрик ушел. Небось к первой аптеке двинул, подумал Антон.

Идею заменять алкоголь калипсомом подкинул Антону Никита: однажды отец пристал к нему – мол, я знаю, вы с друзьями наркотики употребляете, мне тоже хочется попробовать. Никита вкатил отцу два куба гидео-рихтеровского калипсола, отправил в жесткий полутора-часовой трип, а сам с интересом естествоиспытателя сел ждать последствий. Очнувшись, отец некоторое время лежал молча, а потом произнес:

– Это очень хорошая вещь. Правильная.

С тех пор венгерский пузырек с зеленой крышечкой всегда стоял у Никитино отца в баре – между то и дело меняющимися поллитровками водки и неизменной бутылкой виски Black Label.

Впрочем, может, все это брехня: что взять с Никиты? Калипсол – вещь на любителя, нормальные люди такого трипа себе не пожелают.

Так или иначе, Юрик оказался не столь open-minded². Через пять минут выяснилось: ушел он вовсе не к аптеке, а к владельцам ресторана – жаловаться на бармена который хотел толкнуть ему героин. Антон пытался объяснить – да у меня же ничего с собой нет, хоть быщите! да героин вообще говно! – но даже неопровержимый, как ему казалось, довод – сами подумайте, героин же по вене колют, а я что говорил? Я говорил «в мышцу»! – не произвел никакого впечатления: с работы он вылетел. Хорошо еще накануне выдали зарплату: сто долларов Антон заплатил хозяйке квартиры, а на остаток купил у Валеры травы – чтобы не было проблем со всем остальным.

Правильное решение, в очередной раз говорит себе Антон. Правильно три недели ездить по гостям, курить, слушать новые треки Orbital, Moby или The Foundation K, читать по вечерам Кастанеду. Правильно не париться насчет работы – рано или поздно работа сама тебя найдет, найдет и заговорит в трубке голосом бывшего коллеги, официанта из того же «Санта-Фе»: мол, тарый клиент ищет на выходные официанта для частной вечеринки у себя на даче. Правильно – согласиться, не объясняя, что, мол, бармен и официант – это разные вещи; правильно – спросить цену и кивнуть удовлетворенно: одни выходные решают все проблемы на месяц вперед.

Антон захватил с собой остатки травы и через два дня вошел в большой двор загородной усадьбы, напомнимший кадр из американского фильма – столько там стояло иномарок. И вот теперь Антон смотрит вниз с галереи да крутит колесико громкости – то потише, то погромче. Когда «Shamen» затихает, слышна музыка снизу. Антон не знает песни, но узнает столетней давности диско. Он смотрит вниз: Поручик танцует с раскрасневшейся от водки Лерой, Женя молча сидит на стуле с высокой спинкой, в разрезе платья видны длинные ноги. Леня Онтипенко смотрит на нее и счастливо улыбается. Сидор, перекрикивая музыку, рассказывает, как по наводке Альперовича купил усадьбу. Роман, приоткрыв глаза, спрашивает Альперовича:

– А почему сам не взял?

– У меня нет гигантомании – отвечает Альперович. – Мне бы чего поменьше.

– Восемнадцатый век, не хрен собачий! Красота! – кричит Сидор. – Главное – подоконники широкие.

Антону нет дела до подоконников, но дом понравился ему с первого взгляда. Интересно, думает он, Костя потянул бы такой? Странно, когда у родного брата столько денег, что уже не видишь разницы между ним и настоящим миллионером – Костя говорит, миллиона у него нет. Если, конечно, считать только наличные и деньги на счетах. А если не только наличные и на счетах – значит, есть? Не отвечает, отшучивается. Надо его спросить, думает Антон, потянул бы он старый помещичий дом, снаружи – усадьба, изнутри – лабиринт? Первый хозяин был, вероятно, масоном, располагал комнаты в согласии с тайным, символически-осмысленным планом. Поклонник Иоанна Арндта и Роберта Фладда, вольный каменщик, руководил кре-

² эд. – продвинутый (англ.)

постными строителями, по мере сил воссоздавая разрушенный Храм. Мог ли он знать, споря с друзьями о Французской революции и якобинском терроре, что через сто с небольшим лет его усадьбу начнут обживать самозванные наследники Сен-Жюста и Робеспьера? Они снесли арки, заменили мозаичный пол обычной плиткой, перестроили оба крыла в стиле заурядных советских учреждений: коридоры и кабинеты с двух сторон. Возможно, думает Антон, в этом тоже скрыта эзотерика – но сегодня она забыта основательнее, чем масонство. Нетронутой осталась только центральная зала и семь комнат, выходящих в нее. Зачем владелец-масон разместил у входа в каждую странные знаки? Для чего планировались резные секретеры, такие огромные, что даже в советские времена их не стали передвигать? Что сказали бы прежние жильцы, увидев, как в комнатах собирают итальянские золоченые кровати? Похоже, Сидор этими вопросами не задавался: он сделал из комнат спальни, а залу превратил в гостиную. Антону досталась комната на втором этаже, ну и хорошо.

И вот со своего наблюдательного пункта Антон пытается почувствовать скрытую гармонию семи комнат – безо всякого, впрочем, успеха. Почему так? думает он. Одни вещи легко сцепляются друг с дружкой, словно части паззла, а другие, как ни бейся, не складываются в единый рисунок. Что бы, интересно, сказал об этом дон Хуан?

Плейер замолчал, и, переворачивая кассету, Антон слышит, как Поручик кричит, по обыкновению подпрыгивая и размахивая руками:

- Ромка, помнишь новогоднюю дискотеку?
- Дискотеки – это не по моей части, – отвечает из своего кресла Роман.
- Ну да, – говорит Андрей, – ты тогда был комсомольским боссом.
- Я тоже, – пожимает плечами Сидор, – ну и что?

Теперь Сидор танцует вместе со всеми, напевает, перекрикивая музыку Синий, синий иней лег на провода, но, даже танцуя, то и дело бросает взгляд вокруг, проверяет – все ли в порядке? Шесть человек гостей, семь дверей в комнаты, выход во двор, парень на галерее сверху... все нормально, все хорошо.

– А помните, мы анекдот сочинили и Кларе Петровне хотели рассказать? – спрашивает Поручик. – Как выходит Леонид Ильич, достает текст речи и читает, – Поручик на секунду замирает, корчит рожу: – «Дорогие товарищи, вас никогда не били мокрым веслом по голой пиз... простите, я случайно надел пиджак поручика Ржевского». Идеальный анекдот, точно.

Антон снова включает плейер. Ради одного этого стоило сюда ехать, думает он. Тупой анекдот, сочиненный пьяными восьмиклассниками неведомо когда, открывает правду об изначальном мире, где живут герои анекдотов, выходя то в одну, то в другую шутку, будто раскрывающая двери в комнаты, окружающие большую залу. Антон вспоминает, как Горский рассказывал ему про универсальный мир идей («сокращенно он должен называться универмир, наподобие универсама», – пошутил тогда Никита). Видимо, даже Поручик чувствует, что этот мир существует, думает Антон и смотрит на беззвучный танец в аквариуме гостиной. Женя встала, говорит что-то, все смотрят на нее, Поручик и Лера перестают танцевать, Сидор подходит ближе, Альперович поворачивается к ней, даже Роман открывает глаза.

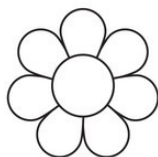
Антон выключает плейер и смотрит вниз. Женя стоит, подняв руку, свет играет на бриллиантах.

– Это мой последний лепесток, – говорит она, подносит руку к лицу, кладет что-то в рот... Антон не видит сверху – что.

- А с ума ты сейчас не сойдешь? – спрашивает Сидор.
- Здоровым людям, – отвечает Лера, – это только полезно. Да и доза небольшая.

Ух ты, думает Антон. Доза небольшая. Что же это такое? Табл экстази? Марка кислоты? Сюрприз, иначе не скажешь. Надо бы дунуть еще разок, думает он и лезет в карман. Чужой трип особо хорош, когда сам немного high. Но закурить Антон не успевает: Женя вскрикивает и, хватая ртом воздух, падает на ковер. Лицо ее краснеет, она задыхается.

Вот тебе и трип, думает Антон, и в этот момент Роман вскакивает с кресла, бросается к Жене, которую уже поднимает Сидор. Да она умирает! кричит Роман, и они несут Женю мимо побелевшего Онтипенко, мимо замершей Леры, мимо оторопевшего Поручика. Она умирает, эхом повторяет Альперович, и Антон хочет объяснить, что они сели на измену, ничего страшного, умирают только от героина, а так – чуть-чуть подождать и все пройдет, да, они сели на измену, просто перекурили – и тут Антон понимает: курил он один, и, значит, это не приступ паранойи, все по-настоящему: судорожно глотая воздух, в окружении шести одноклассников, на руках у мужа и друга Женя Королева отправляет свою душу в последнее путешествие.

Значит, семеро. Пятеро мужчин и две женщины. И круглый стол между ними. Короны украшали их головы. Безмолвие упало, словно приговор. Они не простили измены. Теперь ничто не могло спасти Имельду.

Много раз за последние месяцы Горский пытался представить себе жизнь Милы Аксаланц. Теперь, последней московской ночью, он смотрит на снежинки за окном и снова спрашивает – на что это было похоже? Бесконечный трип или просто – тяжелый, вязкий бред, от которого нет спасенья? Когда все началось? В школе? В первом классе? В детском саду? Еще раньше? Когда Мила впервые увидела эти лица? Когда впервые произнесла неведомые имена? Как нашла себе подругу, как стала Имельдой, как превратила Алену в Элеонор? Кто первый произнес слово Семитронье?

Две девочки, играющие в принцесс. Дни напролет в вымышленном мире акварельных рисунков, кукол в самодельных платьях, замков из немецкого конструктора. Бубнеж телевизора из соседней комнаты, стихи Сергея Михалкова на уроках, красные ленты ежесезонных лозунгов. Вымысел оброс плотью, герои обрели имена. Одноклассницы листали журнал «Burda», учились сплетничать о мальчиках и курить болгарский «Опал», а Мила с Аленой все дальше уходила в причудливый мир Семитронья. Их звали Имельдой и Элеонор, пять королев сражались за их руки и сердца. Они не могли сделать выбор, они знали – только всемером они могут возродить древний Стаунстоун, лежащий в руинах, где семь гигантских необтесанных камней напоминают о временах великого царства.

Если школьная жизнь была реальностью, то Семитронье – больше, чем реальность. Подлинная реальность, скрытый мир, придающий смысл повседневному существованию. Наверное, она думала так, говорит сам себе Горский и смотрит в окно на танец снежинок. Во всяком случае, только это я могу себе представить.

Все началось весной. Зазвонил телефон, Мила спросонья взяла трубку, услышала мужской голос – Солнце восходит над Стаунстоуном, – и тут же гудки, словно кто-то ошибся номером. Наверное, она подумала: я все еще сплю. Недоумевающе посмотрела на трубку. Конечно, сплю. Как же иначе? И только днем, уже на третьей паре, она вспомнила голос – и узнала его. Дингард, один из королей Семитронья. Это был он.

Потом были и другие сигналы. Телефонные звонки, рисунки на лестничной клетке, контуры облаков в окне. Мила никому не могла об этом рассказать. Конечно, ей было одиноко. Она с тоской вспоминала времена, когда они были вместе – Мила и Алена, Имельда и Элеонор. Но Алена предала ее – нет, не только ее, все Семитронье! – она была изгнана, лишена имени. Элеонор все еще жила в своем замке, но за последний год Мила и Алена не заговорили друг с другом ни разу.

Да, с самого начала Мила знала: Семитронье не вымысел, не детская сказка. Это правда – иная правда, сокрытая от всех, кроме нее и Алены. А теперь, после Алениной измены – от всех, кроме нее, Милы. Где-то в иных пространствах, в иных временах ждет воссоздания замок с семью башнями, возвышаются семь огромных необтесанных камней, на которых грубо вырезаны символы планет; дышит, ворочается, вздрагивает иной мир, подлинная реальность. Мила одна знала туда дорогу – и вот теперь, словно в благодарность за многолетнее терпение, двери приоткрылись, вздох Семитронья прошелестел над весенней Москвой.

Госэкзамены Мила сдала словно в тумане; казалось, кто-то чуть слышно подсказывает ей ответы, воскрешая в памяти слова, не услышанные на лекциях. Тайные сигналы проступали меловыми каракулями на институтских досках, тенями на полу аудиторий, дуновением ветра сквозь распахнутое окно. Иногда – голосом в телефонной трубке.

Они не разговаривали – просто иногда, по утрам, когда родители уже уходили и Мила просыпалась, Дингард напоминал о себе – фразой, несколькими словами, именами, которых никто не знал, только Мила. Она вешала трубку – это все еще сон? – и шла умываться, сомнамбулически переставляя босые ноги по липкому паркету. Временами какой-то смутный образ мелькал на краю сетчатки, словно мираж в пустыне – но она не могла ухватить его. Дингард не оставлял следов – даже надписи на следующее утро исчезали со стен. Только память хранила слова телефонных приветствий.

И тогда Мила стала просить о встрече. Редко ей удавалось сказать больше одной фразы – гудки прерывали ее, – но день за днем она молила Дингарда прийти, воплотиться, дать прикоснуться к нему, посланцу Семитронья, выходящему из иного мира.

В начале августа родители взяли в пятницу отгул и уехали на дачу. Мила отказалась – хотела побыть одна, вызвать Дингарда, приманить его, притянуть к себе, вцепившись в тонкие астральные нити телефонных разговоров. Три дня одиночества. Никто не мешает сидеть в кресле почти не двигаясь, пить крепко заваренный чай из бабушкиной чашки, покрывать завитушками чистый лист бумаги, ждать звонка, мечтать о встрече.

Было ли это правильное решение? Горский боялся ответа на этот вопрос, но знал: мольбы Милы были услышаны. В первый же день она получила письмо.

Она сделала все, как просил Дингард. Вечером в субботу потушила свет в квартире, зашторила окна, прикрыла – но не заперла – дверь, разделась и легла в постель, положив письмо у изголовья. Дингард просил завязать глаза шелковым шарфом, но Мила нашла только вязаный мохеровый, в котором ходила еще в детский сад. Плотным кольцом он обхватывал голову, ворсинки щекотали нос, Мила вспоминала, как бабушка одевала ее каждое утро, эти мысли показались ей неуместными. Думай только о нем, приказала она себе, думай, не позволяй ни одной мысли тебя отвлекать. Бабушка, мама, папа, Алена – выброси это из головы.

Мила лежала неподвижно, в кромешной тьме, голова перетянута шарфом, глаза зажмурены. На изнанке век вырастали башни Семитронья, птицы летали в бирюзовом небе, ажурные мосты поднимались над рвами, люди спешили по витым тонким лестницам. . . Когда он придет, спрашивала себя Мила. Наверное, в полночь? Он не писал когда, но, наверное, в полночь. Пробыют бабушкины часы, заскрипит дверь, она услышит его шаги, скрип половиц в коридоре. . . что он скажет ей?

Дингард не произнес ни слова. Часы еще не пробили, но дверь хлопнула, кто-то торопливо прошел по коридору, Мила услышала шорох одежды, совсем рядом, тут, в спальне. Она почувствовала запах, терпкий запах мужского тела, а потом отлетела простыня, она прикрылась ладонями, но тут же, устыдившись, отдернула руки. Под мохеровым шарфом она зажмурилась еще крепче и увидела, как приподнимается занавесь, свисающая с балдахина над ложем, как развязываются семь узлов на красном шнуре. Дингард стоял в ногах кровати, а она, обнаженная, лежала перед ним. Золотая корона сияла на его челе, от яркого блеска слезились глаза,

и там, в Семитронье, она тоже зажмурилась и в крошечной мгле ощутила, как мужские руки скользят по телу, касаясь шеи, плеч, груди, бедер...

Граница между мирами рухнула. Что это? Бой часов или раскат грома? Кто она? Как ее зовут? Тело Имельды трепетало, руки Милы обнимали Дингарда, тяжесть мужского тела наваливалась на нее, язык властно вторгся в рот, предчувствием другого проникновения, о котором равно страшно было подумать в обоих мирах.

Мила не любила слова «секс»; Имельде оно было незнакомо. Тело Имельды было не телом, но точкой, где сходились звездные лучи, астральным сгустком, облаком утреннего тумана. Поцелуи и касания, объятия и содрогания не существовали для нее: для того, что происходило, не было слов в ее языке. Если это и был любовный акт, то акт вселенской любви, величайшее космическое событие, воссоздание разрушенного, обращение времени вспять. С каждым мучительным выдохом, с каждым движением, с каждой вспышкой боли, Мила чувствовала: замок восстает из руин. Подобно тому, как обычная женщина зачинает ребенка, Имельда зачинала свой мир. Не банальное зачатие, слияние двух клеток, нет, первый акт космической мистерии, для завершения которой все семеро королей и королев должны были слиться воедино. Когда Имельда примет в свое лоно оставшихся властителей – только тогда замок воспрянет из развалин, башни взвьются к небу, семь камней станут фундаментом нового времени.

Прерывистое мужское дыхание, резкий женский вскрик. Горскому не слышать, что в нем. Боль, надежда, безумие? Вряд ли – наслаждение. Мохеровый шарф развязался, сполз на лоб, мужчина зарычал, содрогнулся, рухнул, размыкая объятия, – Мила ничего не замечала. Закрытыми глазами она смотрела в синее небо Семитронья, видела ажурные башни, слышала крики птиц и шум волн. Незнакомые руки обнимали ее, и чужое дыхание постепенно успокаивалось. Ночной гость уснул, а она все еще пребывала там, где нет ни сна, ни бодрствования.

Она не видела лучей рассвета, не чувствовала, как мужская плоть снова входит в нее, а просто ощущала, как волна за волной проходит сквозь тело. Слышала ли она бой часов? Напоминало ли ей прикосновение шарфа о бабушке, утренних сборах, детском саде? Помнила ли она об Алене, о матери, об отце? Или то, что ей мечталось накануне, сбылось: она исчезла? Исчезло тело, такое нескладное, исчезли надоедливые мысли, ненужные воспоминания, спутанные волосы, ежемесячная боль, собственный запах, тоска, меланхолия, страх?

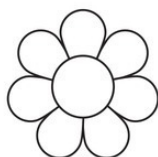
Милы не было больше, осталась только Имельда, повелительница Семитронья, великая королева. В спальне под балдахином, на огромной кровати, в королевских покоях она услышала голос из ночного мрака, и голос этот прошептал:

– Открой глаза.

Она не поняла, затем – послушалась. Дневной свет ослепил даже сквозь занавески. В немыслимом, болезненном сиянии растворились балдахин и резные башенки кровати, распался королевский дворец. Прямо над ней нависало искаженное судорогой мужское лицо. Слюна запеклась в уголке рта, зрачки закатились под веки, стон с шумом вырывался через стиснутые зубы. Еще один толчок – и объятия ослабли. Она лежала на смятых, залитых кровью простынях. Незнакомый мужчина поцеловал ее в шею.

Имельда вскочила. Память какого-то другого, совсем позабытого мира на секунду вернулась к ней. Она узнала мужчину и прошептала, задыхаясь от ужаса и омерзения:

– Ты?

Наверное, я похож на Милу, думает Горский. Я тоже, прикрыв глаза, стараюсь вызвать из небытия то, чего, возможно, не существовало вовсе. Фантазия, мечта, фата-моргана. Что еще нам остается? Тело немощно, дух стиснут, словно в клетке. Что нам поможет? Вещества – открыть врата восприятия, двери темницы? Медитация? Просто мечты? Бессмысленный вымысел, без конца и без начала, тоненькие нити, солнечная паутина, шум мотора...

Олег мрачно жмет на газ, переключает передачу. Если бы я был настоящий филью-дисанта, думает он, я бы еще вчера отказался.

Он собирался уехать в воскресенье днем, поставить «Менструальные годы» «Current 93», не спеша доехать до Москвы. Пейзажи проносились бы за окнами подержанных «жигулей» под псевдофольклорные напевы английских кроулианцев. Олег бы прислушивался к машине, старался бы сродниться с ней, слиться воедино. Учись у сосны – будь сосной; учись у «жигулей» – будь «жигулями». Не важно, в конце концов, на чем тренировать дзэнские навыки – и городскому жителю «жигули» ближе сосны... тем более, что и сосны в Подмосковье иные, чем в Японии.

Алистер Кроули, Антихрист, великий маг... Do What Thou Wilt... в Телему Олега не пустили бы на порог. Как не переводы – делай что хочешь, следуй своей воле – кроулианец из Олега никудышный. Что сказал бы зверь 666, если бы соседка, Зара Александровна, попросила подбросить ее с мужем до Москвы завтра утречком пораньше? Вероятно, рассмеялся бы – а Олег даже не смог сказать «нет». Все-таки соседи, друзья родителей... Олег почему-то вспомнил, как Зара Александровна сидела у них на кухне, когда он пришел из школы, в куртке без единой пуговицы – их вырвали с мясом на большой перемене. Двое мальчишек держали его, а Генка Смородинов одну за другой отрывал, приговаривая при этом «ниче, мама-папа новые пришьют». Отец как всегда начал мальчик должен быть сильным, почему ты им не врезал! Попробуй врежь, когда тебя держат двое, а еще человек пять улюлюкают вокруг! Зара Александровна сказала: Ладно, Гриша, что ты кипятишься, дай мне курточку, я сама пришью. Мать приходила с работы поздно, ей было не до пуговиц.

Олег даже не смог сказать «нет», все-таки соседи, друзья родителей, вот и пуговицы пришила, говорил он себе, но все равно знал: не смог сказать «нет», потому что – боялся. Боялся суетливости, тоски в глазах, ответов не в попад, неуместного смеха, помощи, о которой не просил. Вот так же отец, наверное, смотрел на Зару, когда она кинулась пуговицы пришивать.

Мы варенья заготовили, не хочется на автобусе, сказала Зара вчера. Завтра утречком пораньше, чтобы не ехать по жаре. Может, если бы Олег знал, что «пораньше» – это в семь утра, у него хватило бы воли сказать «нет» – но вчера он ответил «да, конечно», а сегодня, ни свет ни заря, уже поздно было отказываться. Загружая в багажник сумки и картонную коробку с банками варенья, Олег еще подумал, что вряд ли Мила обрадуется появлению родителей ранним воскресным утром, но промолчал. В конце концов, он последний раз видел Милу два года назад, на дне рождения Алены Селезневой. Он еще удивился тогда, что она тут делает. Она подарила не то книжку, не то картинку, – точно, картинку! – и ушла почти сразу, а может, Олег просто забыл: в тот вечер Вадим привез из Питера грибов, и они сразу приступили, да так резво, что самой Алене, кажется, ничего и не досталось.

Подмосковное шоссе, воскресное утро, машин почти нет. Вместо Дэвида Тибета – навязчивые вопросы Зары Александровны: а снова в институт ты не собираешься? а на что живешь? надеюсь, ты не в коммерцию пошел? Отцу бы не понравилось. Нет, Зара Александровна, не в коммерцию. А что это у тебя здесь куриная лапка висит? Это, Зара Александровна, шутка. Ну, для прикола, как говорится.

В самом деле – что еще тут скажешь? Не объяснять же про аби адидж и акуки.

Воскресное утро, весь день впереди. Может, и к лучшему, что приеду так рано, думал Олег. Вечером завалюсь к Горскому, днем заеду к дилеру, травы возьму или даже шишек. Папа всегда говорил: в гости с пустыми руками приходит неприлично.

Остановил машину у самого подъезда, донес до лифта сумки, потыкал пальцев в кнопку. Тишина.

– Опять лифт сломался! – возмутилась Зара Александровна.

– Может, варенье в другой раз завезу? – предложил Олег.

– Да-да, конечно, – поспешил согласиться Станислав Петрович, но Зара Александровна тут же добавила:

– Но ведь сумки ты нам поможешь донести?

Олег кивнул и, взяв самую тяжелую из трех сумок, начал подниматься. Старички остались у подъезда, сторожить вещи. Что бы сказал Кроули, думал Олег, если бы его послали тащить сумку на шестой этаж? Наверное, уничтожил бы обидчика на месте. Да, никудышный из меня кроулианец.

На площадке пятого этажа Олег столкнулся с каким-то парнем. Ничего примечательного: джинсы, кроссовки, обычная куртка... разве что мокрое от пота лицо и прилипшие ко лбу волосы. Олег поднялся на этаж выше и увидел – Зарина дверь не заперта, только прикрыта. На всякий случай позвонил, потом вошел и крикнул, ставя сумку на пол:

– Ау! Мила! Ты дома?

Они толком не были знакомы. Конечно, он видел ее на даче у Зары Александровны, пару раз даже подвозил вместе с родителями на машине, но, пожалуй, ни разу не перекинулся даже парой слов. Ау! крикнул Олег, но вместо ответа услышал не то всхлип, не то тихий вой. Скинул сандалии, пошел по коридору – и на пороге спальни увидел Милу.

Совсем голая, она стояла в дверном проеме и, казалось, не замечала Олега. Светлые волосы всклокочены, на левой груди синяк, ноги в крови.

– Что случилось? – спросил Олег.

Мила продолжала тихо подвывать.

Полгода назад Паша выкурил за вечер недельный запас гашина и впал на несколько дней в полное невменялово. Обхватив колени руками, он сидел на кровати, раскачивался и выл – этот вой был страшней самого дурного бэд-трипа.

Именно этот вой вспомнил сейчас Олег. Он стоял, не зная, что делать – бежать вниз? вызывать врачей? – и вдруг Мила прекратила выть и спросила:

– Он ушел?

– Кто?

– Дингард, – сказала Мила, – принц Дингард.

Горский ясно видит их: неподвижных Милу и Олега, Станислава Петровича, сидящего на сумках у подъезда, Зару Александровну, поднимающуюся по лестнице.

Она устала ждать, сказала: наверное, Мила спит и не открывает, я сама. Подъем давался ей нелегко и, чтобы набраться сил, на каждой площадке она кого-нибудь ругала: Станислава, за то, что от него никогда не дождешься помощи, Олега, за то, что не может открыть дверь, Милу, за то, что проспит всю свою жизнь, как уже проспала два года после школы, пока наконец не поступила в дурацкий Историко-архивный, только чудом превратившийся в модный Гуманитарный университет.

Она толкнула незапертую дверь, про себя обругала Олега (на этот раз – чтобы унять тревогу) вошла в квартиру, едва не споткнулась о сумку, замерла в дверях: голая Мила посреди коридора, сбивчивая речь, а Олег слушает, точно это совершенно нормально – разговаривать в прихожей с малознакомой голой девушкой.

– Ты что, с ума сошла? – крикнула Зара Александровна и сразу подумала: Неужели действительно – сошла с ума? Оттолкнула Олега, сорвала с вешалки плащ, накинула на Милу.

– Зара Александровна... – начал Олег, но она не слушала.

– Быстро в спальню! – крикнула она дочери, но Мила вдруг закричала Нет, я не пойду!, толкнула в грудь, бросилась к двери.

– Ты куда? – только и успела крикнуть Зара Александровна. Олег, на ходу вдевая ноги в сандалии, побежал следом.

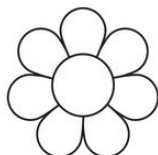
Она неслась вниз по дворцовой лестнице, мрамор звенел под каблуками. Безмолвие упало, словно приговор. Они не простили измены. Ничто не могло спасти Имельду. Она, она сама привела в Семитронье чужака, едва не разрушила то, что воздвигалось годами. Он не был Дингардом, теперь она поняла – она нарушила обет, она заслуживает изгнания. Имельда выбежала через раскрытые ворота, побежала к мосту. Стражник заступил дорогу, звал незнакомым именем, Имельда оттолкнула его. За спиной – нарастающий шум погони. Нет, ей не суждено спастись! Рев диких зверей по ту сторону моста... Она обернулась и в последний раз кинула взгляд на башни Семитронья.

– Нет! – закричал Олег. Визг тормозов, тупой удар, лужа крови. Он замер посреди тротуара и в этот момент запыхавшаяся Зара Александровна тронула его за плечо:

– Где она?

Олег покачал головой.

– Где Мила, Олег? – еще раз спросила Зара Александровна и услышала, как зарыдал Станислав Петрович.

Антон знает: самый удачный трип можно испортить. Кто-нибудь придет не вовремя, кто-то сядет на измену и обломает всех, мало ли что. Психоделия требует мужества: никто ничего не гарантирует. Главное – что бы ни случилось, запомни тот момент, когда ты смотрел на мир открытыми глазами, когда врата восприятия распахнулись, когда истина и красота слились воедино.

Антон снова и снова напоминает себе об этом: помни безмолвный балет, потаенный смысл, не забудь, навсегда запомни семь фигур в колодце круглого холла. Что бы ни случилось потом – помни. Не дай себе обломаться, не впадай в панику, смотри на все без страха и привязанности.

Громадный холл, семь комнат вокруг. Женино тело на столе, оплывшее лицо. Шесть одноклассников, врач в белом халате, молодой лейтенант.

Врач приехал первым, хотя «скорая» и застряла по дороге. Пока толкали – прошло десять минут, может, их и не хватило. Искусственное дыхание, массаж сердца – все без толку. Врач озирается – раньше был Дом Политпросвета, теперь вот, приватизировали. Лейтенант с плохо скрываемым раздражением вертит в руке серебряную ложку, плюет в сервизную тарелку – видать, дорогую – под нос ворчит буржуи, блин, достает бумагу, начинает писать протокол. Хозяин дома, Владимир Сидоров, отзывает обоих в сторону.

– Я не буду ничего скрывать, – говорит он, – это была передозировка наркотика.

Лейтенант собирается сказать, что наркотики – это уголовное дело, но врач с сомнением качает головой. Можно подумать, уголовное дело воскресило хотя бы одного человека.

– Будем считать – это сердечный приступ, – говорит он, и Сидор тут же соглашается:

– Вот и хорошо, пусть будет сердечный приступ. В любом случае – никаких расследований. Закроем дело, подпишем бумаги, разойдемся с миром, – и тянет бумажник из кармана джинсов.

Врач смотрит на Сидора. Что за люди, думает он, считают, за все нужно платить. Я бы и так сказал, что сердечный приступ, но теперь даже не знаю. Он оглядывает комнату: Роман неподвижно сидит в кресле, Поручик одной рукой обнимает Леру за плечи, Альперович бара-

банит пальцами по столу, плачет Онтипенко... нет, не похожи на убийц. Хотя, конечно, столько денег так просто не нахапаешь, это да.

– Поймите нас, – говорит хозяин, – не хочется, чтобы Женькино имя трепали... – и открывает бумажник.

– А если это убийство? – спрашивает лейтенант.

– Какое убийство, – говорит Сидор, – Мы все видели: сама приняла эту гадость, никто не заставлял, даже отговаривали.

– А что это было? – спрашивает врач. Он все еще не верит в передозировку.

– А я почему знаю? – говорит хозяин, вынимая из бумажника стодолларовые купюры.

– Так надо выяснить, как этот наркотик к ней попал... – начинает лейтенант, но Сидор прямо спрашивает:

– Сколько?

Врач молчит, а лейтенант судорожно соображает: сколько назвать, чтоб не продешевить? На дворе – девяносто четвертый год, кто их знает, этих крутых, какие деньги для них большие. Тем более, из Москвы приехали, не местные.

– Пожалуй, хватит, – говорит Сидор и, глянув на врача, добавляет еще несколько купюр. – Значит, договорились? – и делит пачку надвое.

Лейтенант сразу сует свою долю в карман, врач некоторое время смотрит на стопку банкнот на столе. Время сейчас такое, говорит он себе, на зарплату все равно не проживешь. Берет деньги и сразу уходит, словно ему теперь неловко смотреть этим людям в глаза.

Ожидая появления милиции, Антон спустил в унитаз всю траву – вдруг бы стали обыскивать? – и теперь страшно жалел. Пара хапок не повредила бы, а так – вырастет где-то в канализации легендарная белая конопля, о которой все слышали, но никто ни разу не пробовал. Белая – из-за отсутствия солнечного света, а без солнца – какая ганджа? Вот и выходит, что знаменитый белый каннабис – трава совершенно безмазовая, хуже подмосковной.

Сейчас Антон думал: может, подойти к Альперовичу, спросить, нет ли у него случайно? Я его вчера угостил, может, он меня сегодня подогреет? Впрочем, угостил – громко сказано: Альперович с Лерой вышли вечером во двор подышать и увидели сидящего на пне Антона. Он безмятежно смотрел в чернеющее на глазах небо, куда уплывал дымок. Альперович и Лера переглянулись, Антон протянул косяк, Альперович покачал головой, Лера затянулась.

– Я с Англии не курила ни разу, – сказала она.

– Как там в Англии? – спросил Антон, хотя она явно обращалась не к нему. – В Sabresonic была?

Sabresonic был модный лондонский клуб; несколько месяцев назад Антон прочел о нем в прошлогоднем номере журнала «The Face».

– Ага, – сказала Лера, – и в Sabresonic, и The Ministry of Sound. Но самое крутое в Лондоне – это underground parties.

– А это что такое? – Антон затянулся и передал Лере джойнт.

– Ну, хаус-вечеринки, которые не в клубах. Оупен эйры и не только. Три года назад их проводили за городом, за M25 Orbital motorway. Orbital оттого и Orbital.

– Ты любишь Orbital? – с уважением спросил Антон.

Хотя – что удивляться? Вот его брат Костя, например – нормальный парень. Если бы попал в Лондон – тоже въехал бы в эсид-хаус. Другое дело, что в Москве нет ни нормальных клубов, ни магазинов с правильной музыкой. А если в Лондоне жить – ну, Костя бы тоже во все врубался, вряд ли эта Лера лучше понимает в музыке.

А может, подумал Антон, это мне по обкурке кажется, что мы беседуем про транс и эсид-хаус? Может, на самом деле она о чем-то своем говорит? Вот я считаю, что слово «клуббинг» – это что-то про клубы, а вдруг это про какой-нибудь бизнес?

– А ты каким бизнесом занимаешься? – спросил он.

– Никаким, – сказала Лера, – я филолог. Или культуролог, если хочешь.

Антон спросил, что такое культуролог, и Лера стала рассказывать, мол, существуют различные типы обществ, и в каждом обществе существуют различные культуры, и вот она все это изучает. Затем почему-то заговорила о феминизме, о том, как мужчины делают из женщин предмет потребления, и что мужская гегемония губительна для человечества. Альперович как-то незаметно исчез, они выкурили еще один косяк, потом стало холодно, Антон сказал, что у него еще есть в комнате, они пошли к нему и, едва войдя, Лера сразу сняла ботинки и осталась в шерстяных носках... крючки корсета, черное платье, шумное дыхание, мокрая от пота спина.

Лера ушла часа в два ночи, с тех пор они едва перекинулись парой слов. Может, подумал Антон, это и есть феминизм: трахнула и забыла?

Роман окликнул Антона: помоги собрать Женины вещи, хорошо? Собрать особо нечего – покидал в чемодан платья из шкафа, туда же положил несколько пар туфель, захлопнул крышку. Уже выходя из комнаты, Антон увидел под столом бумажку. Нагнулся, поднял... сверху написано возвращайся, сделав круг, дальше какие-то алхимические символы, стрелочки и кружочки.

– Все собрал? – спросил вошедший Ленья.

– Вот, смотрите, – и Антон протянул ему бумажку. Тот глянул, словно не видя, скомкал и бросил на пол, буркнув: Чушь какая-то. Антон хотел было поднять, но услышал голос Сидора: тот созывал всех в зал.

– Друзья, попрошу минутку внимания.

Антон остался в комнате, но сквозь полуоткрытую дверь было хорошо видно: Сидор стоит, опираясь на круглый стол, нависая над ним, как над кафедрой. На секунду Антону показалось, что сейчас он скажет надгробное слово, будто священник в церкви.

– Я вам что скажу, ребята, – начал Сидор. – Мы все помним, что Женька сказала перед смертью: она получила эту отраву здесь. И, значит, кто-то эту дрянь сюда привез, вот как я понимаю. Мы все друг друга знаем, вместе в школе учились, который год вместе в бизнесе – милиции нам не надо, это правильно. Но я хочу знать, по чьей вине Женька погибла. Кто дал ей эту дрянь.

– Это была кислота, – сказала Лера, – по научному – ЛСД-25. Видимо, индивидуальная непереносимость...

– Хорошо, – Сидор кивнул, – пусть индивидуальная непереносимость, какая разница. Неважно что, важно – кто. Пусть сознается – и все. Никаких разборок, но я его видеть больше не хочу. Никаких личных связей, никаких деловых контактов, ничего – пусть уходит. Лучше всего – вообще уезжает из России. Мы люди не бедные, кто бы ни был – денег на жизнь хватит. Но я его видеть больше не хочу.

– Мы не хотим, – сказал Роман.

Альперович кивнул, а Поручик громко сказал, эхом повторяя слова Сидора:

– Видеть больше не хочу этого пидора.

– Да, – сказал Ленья, – пусть уезжает.

Лера пожала полными плечами и заметила:

– О чем мы говорим? Никто ведь так и не сознался.

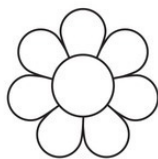
Они смотрели друг на друга, все шестеро, одноклассники, знакомые почти всю жизнь, который год вместе в бизнесе. Хорошо, что меня не видят, подумал Антон, а вот ведь был бы вариант: ткнуть пальцем, сказать вот он! Все бы вздохнули с облегчением. Антон поежился.

– Ну, тем хуже, – сказал Сидор, – я сам его найду.

В голосе была решимость, которая напугала Антона.

Будущее всегда открыто, думает Горский, если бы они все знали, чем это обернется – что бы сделали? Но пока они ничего не знают, стоят молча, Сидор переводит взгляд с Леры на Романа, с Романа на Ленью, потом на Альперовича, на Поручика. Кто-то из них только что

солгал. Кто-то принес дозу наркотика Женьке, и это ее убило. Только что Сидор пообещал найти этого человека. Слово «убийца» пока еще не произнесено.

Что делал в то августовское воскресенье сам Горский? Конечно, сидел в своем кресле, читал или слушал музыку. Да, припоминает Горский, читал Грофа, по-английски. Вот уже полсотни страниц Гроф втирал про голографический характер истины, которая может быть познана в каждом своем отдельном проявлении. Мысль безусловно верная, но очевидная. Горский заскучал – тем более, что компакт FSOL надоел за последние сутки, но сегодня мелкие движения отзывались мучительной болью: самостоятельно поменять диск в аудиосистеме Горский не мог.

Став инвалидом, Горский не изменил своим пристрастиям: ему по-прежнему нравилась танцевальная музыка, хотя это казалось странным даже его друзьям. Как можно слушать хаус в инвалидном кресле? Как можно любить техно, оставаясь неподвижным? Но Горский полюбил этот саунд еще с «Гагарин-Пати» и считал: танцевать нужно головой. Неподвижный танец – что-то вроде хлопка одной ладони. Впрочем, иногда он уставал от подобных дзэнских упражнений – и тогда наступал черед амбиента, который Горский любил еще с тех времен, когда и слова-то такого не было, а был только Брайан Ино. С каким удовольствием он заменил бы сейчас тех же «Future Sound of London» на Питера Намлука или на второй том «Aphex Twin», недавно принесенный Никитой!

Самое унижительное: бессилие. Один и тот же пейзаж за окном, те же обои, тот же компакт который час. Мне еще повезло, говорил себе Горский, американцы вот кресло купили, раз в сутки приходит сиделка – приготовить еду, по вечерам заходят друзья. А если бы я был совсем один? Меня бы, наверно, уже не было, сказал он себе. Мне еще повезло, повторял он, стараясь не думать о том, что состояние ухудшается, надо делать операцию, в России никто и не берется, в Америке есть специальная клиника, но денег нет даже на билет, не говоря уж про все остальное.

Запищал домофон – чудесное устройство, тоже поставленное на американские деньги. Можно открывать дверь квартиры одним нажатием клавиши, как в богатых домах – двери подъезда.

Алена сказала Привет, кинула сумку на диван, спросила: Есть хочешь? Они подружились уже после рокового для Горского октября: кажется, ее привел Олег, а может быть – Никита или Паша. Она заходила к Горскому раз в неделю, как правило – после работы. Но вот сегодня воскресенье, а она все равно тут. Приятно. Значит, ей интересно со мной, говорит себе Горский, и радуется, что у него не только – электрическое кресло и домофон, но и верные друзья, просто как в советских книжках. Всегда придут на помощь – еды приготовить, косяк забить, диск поменять.

– Есть не хочу, – сказал Горский, – а музыку поменяй. Меня от FSOL уже тошнит.

Алена подошла к стойке CD.

– Давай «Adventures Beyond The Ultraworld»? Под нее трава хорошо пойдет.

– Давай, – неохотно согласился Горский. Сейчас он бы согласился на что угодно, но Алена его забавляла: каждый раз, когда они курили вдвоем, она ставила один и тот же диск.

Интересно, почему? подумал Горский. А еще интересно, почему я никогда об этом не спрашивал – и, похоже, никогда не спрошу. Может, мне нравится каждый раз придумывать новую историю: под эту музыку она впервые курила, или кто-нибудь признался ей в любви,

или в один прекрасный день трава была удачной, солнце ярким, музыка правильной, и Алена чувствовала себя молодой и красивой; чувствовала, что будущее – как дверь, открытая в волшебный мир. Она постаралась запомнить это чувство, не растерять его, когда вернется к привычной жизни, – но запомнила только название диска.

Алена принесла с кухни закипевший чайник и стала набивать беломорину смесью марихуаны и табака из выпотрошенной М.

– У меня всю последнюю неделю чудесный роман по факсу, – сказала она, закручивая кончик и облизывая папиросу, чтобы бумага не выгорела раньше времени. – Совершенно замечательный американец из Бостона.

Язычок у нее розовый, влажный. Косяк Алена делала старательно, словно экзамен сдавала. Наверное, это у нее профессиональное, подумал Горский, секретарь-референт должен быть аккуратен.

Алена работала в каком-то совместном торговом предприятии. Должность ее называлась секретарь-референт, но в глубине души Горский подозревал, что это красивый термин, чтобы платить одну зарплату за работу секретарши и переводчицы. У нас работают чудесные люди, говорила Алена, очень душевные. Впрочем, слушая Аленины рассказы, Горский в этом сомневался. Что заставляет эту девушку вот уже год каждый день ходить в офис, переводить никому не нужные факсы, разливать по чашечкам кофе, радоваться трепу в курилке, совместным посещениям ирландских пабов по пятницам? Горский не знал, сколько денег получает Алена (на ее месте он бы потребовал надбавку за пабы), но в любом случае этого мало, чтобы променять свободу на ежедневные встречи с десятком чужих и неприятных людей.

Алена закурила и, втянув дым, передала косяк Горскому. С трудом удерживая в пальцах «беломорину», он сделал затяжку. Сразу вставило, и, закрыв глаза, Горский сказал:

– Мощная трава.

– Это Васина, – ответила Алена. – Ему кто-то принес целый рюкзак, так что он теперь всех раскуривает направо и налево.

Алена немного стеснялась своего брата. Вся Москва знала Васю-Селезня или Васю-Рас-тамана, рьяного пропагандиста Маркуса Гарви, Боба Марли и Питера Тоша – но Алена еще помнила времена, когда ее брат так же страстно увлекался Юлием Цезарем, а потом – Михаилом Щербаковым. В глубине души Алена ждала, что в один прекрасный день Вася провозгласит Щербакова первым русским растафари («... виноградное варенье, анашу и барбарис...»), а Цезаря объявит предшественником Хайле Силассие. У тебя клевый брат, говорили Алене друзья, но даже в слове «клево́ый» Алене чувствовался подвох: кто-нибудь мог сказать «клево́ый» про Горского? Про Никиту? Про Дениса Майбаха? Нет, слово «клево́ый» было словно зарезервировано для Васи-Селезня, худощего альбиноса с блондинистыми лохмами, кое-как заплетенными в подобие дредов, с вечной расслабленной улыбкой и косяком в руках. Селезень жил с родителями, нигде особо не работал, учился играть на бас-гитаре и время от времени раскуривал всех направо и налево.

– А ты куришь на работе? – спросил Горский.

– Нет. Я попробовала один раз в обед покурить, так потом такое было!

Она подвинула свой стул ближе, села поудобнее и стала рассказывать, что когда только пришла в свою контору, страшно парилась, и поэтому Димка, ее тогдашний приятель, предложил ей дунуть в обед, ну, чтобы расслабиться. В перерыв она вышла в скверик, вынула из сигаретной пачки косяк, быстро пыхнула и вернулась.

– Мне еще показалось: меня совсем не вставило... ну ни капельки... только идти до офиса было дольше, чем обычно.

Горский кивнул – мол, знамо дело, совсем не вставило, как же, как же – и закашлялся. Алена протянула ему пятку, он слабо качнул головой – добивай сама, мне хватит. Она сделала последнюю затяжку, растерла окуроч в пепельнице и продолжила:

– Ну, я вернулась, а Виталик говорит: пришел факс, надо срочно перевести. Я сажусь и вижу: факс – на итальянском, а я итальянского не знаю. Хочу Виталику об этом сказать, и понимаю: а что, если я села на измену, факс на английском, а я по обкурке ничего не сообщаю. Думаю, ну все, сейчас меня попрут отсюда, надо тянуть время, чтобы трава выветрилась. – Алена довольно улыбнулась: – Хорошая идея, да? Трава же никогда не выветривается?

– Ну да, она... это самое... вымывается. Примерно за три-четыре дня. Период полувыведения у тетрагидроканнабиола такой. – Совершенно неясно, к чему я это сказал, сообразил Горский. – Но обычно часа за два все проходит. Или за четыре.

– Или за шесть.

Их разобрал смех, и минуту они смеялись, переглядываясь. Стоило одному перестать, второй тут же затихал – и через несколько секунд они снова начинали хохотать.

– На ха-ха пробило, – сказал Горский.

– Не, – сказала Алена, – я на измену села. И тут открывается дверь и появляется человек... ну, как тебе его описать? Собственно, он выглядел как Будда.

– А как выглядит Будда? – заинтересовался Горский

– Не знаю, – задумалась Алена, – ну, в зависимости от перерождения, наверное. По-разному.

– А в тот раз?

– Ну, в тот раз он выглядел обычно. Невысокий, в очень дорогом пиджаке, в золотых очках, кажется... короче, он входит в приемную, а я стою с чашкой кофе... как столб. Я кофе хотела попить, чтобы в себя прийти, – пояснила она. – И он как посмотрел на меня, меня сразу торкнуло: вот человек, который меня понимает. Который меня, так сказать, спасет. Потому что сразу было видно: он во все врубается.

Горский кивнул. Будда явился Алене в облике нового русского – нормально. Горский знал людей, видевших Будду – или иное божество – в облике камешка на берегу моря, бабочки необычной расцветки, енота в «Уголке Дурова» или даже пачки чая со слоном. На такие сильные переживания редко пробивало с травы – требовались вещества посерьезней. Всему этому Горский не удивлялся: он знал – в любом объекте можно обнаружить признаки Божественного, а психоделики – на то и психоделики, что в этом помогают. Ну, а кому что достанется, вероятно, зависит от личной кармы. Или – от Пути, по которому идешь. Или – от случая. На самом деле, ответ на этот вопрос непринципиален.

– Короче, его звали Андрей Альперович, какой-то коммерсант. Они с партнером пришли на переговоры к Виталику – и про факс все забыли, слава, как выражается мой брат, Джа.

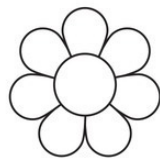
– Так факс действительно был на итальянском?

Алена наморщила лоб.

– Не помню. Сейчас мне кажется, что да, но, может, и на английском. Пойму, когда трава... это самое... рассосется.

Снова запищал зуммер у двери. Это пришел Антон.

Через десять минут Горский узнаёт о Жене Королевой. Антон расскажет всю историю, путано, взволнованно, по свежим следам. Представляешь, на моих глазах тетка умерла от overdоза! и больше всего будет потрясен, что вот, тридцать лет, денег до хрена, а тоже уважают вещества, хотя на тебе, какой финал. Может, вещества не прощают, когда ты про деньги паришься, как думаешь? Нет, Горский так не думает, Алена тем более, но чем дальше Антон рассказывал, тем сильнее паранойяльный червячок сомнения шевелится в душе у Горского. Что-то не так в этой истории, и он даже знает – что.

Горский представляет себя на кафедре перед воображаемой аудиторией. Может быть – даже в собственном МХТИ, где отучился три года. Перед ним – распахнутые глаза слушателей, за спиной – доска со схемами и диаграммами. В зале – известные писатели, телеведущие, депутаты Госдумы, Алена, Антон, прочие друзья и знакомые Горского. Он берет в руки указку и начинает:

– Одним из самых известных психоделиков является ЛСД, точнее – диэтиламид лизергиновой кислоты 25. Как мы видим, неточно называть его «кислотой», точнее было бы название «амид» – но так уж исторически сложилось. Психоактивные свойства ЛСД были открыты в 1948 году в Швейцарии, в лаборатории фирмы «Сандоз», доктором Альбертом Хофманном (первый слайд, пожалуйста). В своей книге «ЛСД: мой трудный ребенок» Хофманн подробно рассказывает, как случайно в его организм попала малая доза вещества, полученного им из спорыньи, грибка, развивающегося не то на ржи, не то на пшенице. Короче, на каких-то злаковых. Он также описывает сильнейший эффект, связанный не столько с необычными визуальными трансформациями, сколько с сильнейшими духовными переживаниями.

Я не буду сейчас углубляться в историю исследования ЛСД. Наряду с Альбертом Хофманном следует назвать имена доктора Станислава Грофа, использовавшего ЛСД-терапию для лечения больных, великого психоделического гуру Тимоти Лири, бросившего Гарвардскую лабораторию, чтобы нести благую весть всем людям, и, конечно, Кена Кизи, писателя, автора «Над кукушкиным гнездом», идеолога Merry Pranksters, придумавшего эсид-тесты, вечеринки с музыкой и кислотой, прототипы современных рэйвов.

Голос из зала: Но ведь ЛСД запрещено во всем мире!

Да. ЛСД запретили в конце шестидесятых, когда кислота попала на улицы. Но до этого было проведено немало исследований, благодаря которым мы довольно хорошо представляем себе механизм действия ЛСД. Как известно (второй слайд, пожалуйста) в работе нашего мозга важную роль играют так называемые медиаторы – вещества, во многом отвечающие за передачу сигнала от одного нейрона к другому. Одним из них является серотонин, он регулирует сон и определяет объем информации, поступающий в мозг. Можно сравнить его со стражником, который оберегает наш мозг от излишней информации. А теперь (следующий слайд) посмотрим на молекулу ЛСД-25 и серотонина. Не правда ли, они похожи? Поэтому ЛСД может занять место серотонина, так сказать, прогнать охранника от дверей нашего сознания. Прогнать – и открыть эти двери. Теперь уже все сигналы поступают в мозг: краски становятся ярче, звуки гармоничнее.

Есть два объяснения тому, что происходит. Согласно одному из них, от избытка информации мозг перестает работать нормально, его начинает, так сказать, глючить, как неисправный компьютер. Отсюда – галлюцинации, появление новых сущностей, психотические срывы и так далее. Такова, как нетрудно догадаться, позиция официальной науки. Мы же верим в другое объяснение: когда ЛСД блокирует серотонин, и двери нашего сознания открываются, мы видим мир таким, каков он на самом деле.

Конечно, трудно поставить корректный эксперимент, чтобы доказать правоту одной или другой точки зрения. Широко известны случаи реальных предвидений, путешествий в прошлое или даже телепатии, имевшей место под воздействием кислоты, – но также известны многочисленные примеры ложных откровений. Иными словами, дорогие коллеги, какое из двух объяснений выбрать, зависит только от нас самих.

Я хотел бы обратить ваше внимание на один аспект. Почти все, принимавшие ЛСД, говорят о чувстве космического единства, которое они испытали. О том, что им открылся смысл бытия. Подлинная цель жизни. Пусть теперь каждый ответит себе сам: является для него смысл жизни результатом компьютерного сбоя – или некой реальностью, которая нам иногда открывается?

Вопрос из зала: а как же бэд-трипы?

Бэд-трипами называют обычно приступы паранойяльной паники во время приема ЛСД, когда человек ощущает, что мир вокруг наполнен злыми силами. Да, специалисты считают это главной опасностью приема ЛСД, но мы должны отметить, что зло и добро, страх и благодать есть две стороны одной монеты. И когда я говорю «мы видим мир таким, каков он на самом деле» я, конечно же, имею в виду не только благостную, но и пугающую часть мира.

Именно поэтому необходимо хорошо готовиться к приему ЛСД. Ни в коем случае нельзя давать ЛСД человеку, не предупредив его заранее. Тот же Хофманн рассказал о том, как в лаборатории они дали дозу одному из сотрудников – и с трудом удержали его, когда он захотел переплыть замерзающий пролив.

Говоря об опасностях ЛСД, надо отметить: в настоящий момент специалисты считают, что ЛСД не вызывает физического привыкания. Более того, ЛСД фактически безвреден для человеческого организма. Все смерти, вызванные приемом кислоты, случались, так сказать, от внешних повреждений – люди попадали под машину, выпрыгивали из окон или лезли в ледяную воду. Хофманн справедливо пишет, что опасность ЛСД лежит не в токсичности, а в непредсказуемости психических эффектов.

Токсичность ЛСД определялась на нескольких видах животных. Однако за все годы легальных экспериментов с ЛСД была зафиксирована только одна смерть: у слона, когда ему вкатили 0,3... простите, 0,297 грамма. Считая, что слон весил пять тонн, получаем летальную дозу 0.06 мг/кг... Хофманн пишет, что малые дозы, вызывающие смерть у подопытных животных, могут создать впечатление, что ЛСД – очень токсичное вещество. Однако, если сравнить летальную дозу для животных с дозой, опасной для человека, которая составляет от 0.0003 до 0.001 тысячной грамма на килограмм веса, выясняется необычайно низкая токсичность ЛСД. Для смертельного исхода необходима передозировка в несколько сот, возможно, даже в несколько тысяч раз. Поэтому в настоящий момент принято считать, что летальная доза для человека не установлена. Как я уже говорил, не зафиксировано ни одной смерти, которая была бы прямым последствием отравления ЛСД.

Голос из зала: А зачем им понадобилось давать слону кислоту?

Очень хороший вопрос, спасибо. Как я уже сказал, после изобретения ЛСД в течение пятнадцати лет в лабораториях «Сандоз» его серьезно изучали. И не только там: мне как-то показывали советскую упаковку от таблеток с надписью «Диэтиламид лизергиновой кислоты 25».

Голос из зала: Неужто в аптеках продавали?

Нет, разумеется. Использовали для секретных экспериментов. В том числе – давали животным. Вот тому несчастному слону, например. Кстати, в шестидесятые годы, кажется, Джон Лилли давал ЛСД дельфинам.

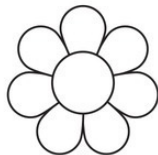
Голос из зала: Лилли – это который в ванной лежал?

Да, Джон Лилли утверждал, что, принимая ЛСД в изотермической ванной в полной темноте, можно убрать случайные шумы, и ЛСД действительно становится эффективным инструментом для путешествия, так сказать, вглубь себя.

Вернемся, однако, к слону, завершает свою воображаемую лекцию Горский. Поскольку мы твердо знаем, что Евгения Королева, тридцати одного года, замужем, временно не работающая, не является слоном, мы можем обоснованно заключить, что причиной ее смерти не мог быть ЛСД. То есть эта смерть не была несчастным случаем.

Ее убили.

(Изумленные выкрики с мест, долгие аплодисменты, автор лишней раз напоминает читателям, что данная лекция прочтена вымышленным персонажем, да еще и в состоянии наркотического опьянения, и потому снова отсылает к Предисловию, где дан здравый совет руководствоваться нравственным чувством и Законом РФ, а не тем, что Горский наговорил.)

Как ее убили? Да проще простого. Подсунуть что-нибудь другое, какой-нибудь яд, например. Марка – это ведь только листочек бумажки, пропитанный раствором. А возьми не раствор ЛСД, а яда кураре – и кранты. Кто это мог сделать? Да кто угодно. Тот, кто ей марку отдал, тот и сделал. Ой, блин, теперь я понимаю, почему, когда Сидор спросил «кто принес?», никто не откликнулся. Ну да, кто принес – тот и убийца. Ни хрена себе.

Значит, что мы имеем? Шесть человек, шесть одноклассников. Лет им всем где-то за тридцать. Пятеро вместе заняты бизнесом, так? А Лера приехала из Лондона, где была три года, правильно? Хорошо, три с половиной. Все равно, расскажи-ка мне об этих людях подробней.

Так все и началось. Так и началось, когда Горский попросил расскажи-ка мне об этих людях. Почему он это сделал? Неужели чувствовал: в этой истории есть какая-то возможность лично для него, открытая дверь будущего, через которую он может ускользнуть из квартиры на четырнадцатом этаже, бежать от инвалидного кресла, одной и той же музыки, тангхи на стене? Или просто – ему всегда хотелось во всем разобраться, докопаться до истины – будь то история убийства или устройство вселенной. ЛСД показывает мир таким, каков он на самом деле. Весь мир – внутри черепной коробки. Сможет ли он, полупарализованный калека, расширить свое сознание до такой степени, чтобы понять мотивы людей, которых ни разу не видел? Сможет ли он распахнуть закрытые двери их прошлого, вытащить из шкафов скелеты, найти убийцу? Да, это была возможность – и поэтому Горский попросил расскажи-ка мне об этих людях.

Антон начал рассказывать, Алена забивала косяк за косяком, Горский сидел, полуприкрыв глаза, и слушал, впервые пытаюсь вообразить семерых одноклассников, еще не подозревая, что эта цифра здесь – самое важное.

Владимир Сидоров, Сидор. Высокий и сдержанный. Отец, наверное, был военным, учил: береги честь смолоду! Учил Родину любить, в сердцах говорил «надо было тебя в Суворовское отдать, может, стал бы человеком», учил стоять насмерть, уважать начальство, гордиться страшной. С неодобрением слушал рок-музыку, доносившуюся из комнаты сына, с гордостью проводил в армию, надеялся – там человеком сделают. Впрочем, ошибся: Сидор вернулся из армии, как раз когда прозвенел первый звонок – умер Брежнев. Отец еще не знал, что этот звонок звонит и по нему самому, звонит по Империи, которой он служил всю жизнь. В Университете Сидор пошел по комсомольской линии, отец гордился – пока не увидел, как комсомольцы превращаются в коммерсантов, но было уже поздно. Сидор купил квартиру, из родительской съехал, отца видел только по выходным, хлебал жидкие щи на кухне, говорил Пап, в следующий раз давай лучше в ресторан сходим, а?, кривился, когда отец ругал Горбачева, демократов и Ельцина, говорил ну их всех. Однажды после поллитры на двоих Сидор сказал: «Пап, да всему, что умею – я у тебя научился!», отец вспылil, крикнул: «Я тебя воровать не учил!», а Сидор рассмеялся: «Ты меня учил стоять насмерть, этого достаточно», выпили еще по рюмке, помирились.

А мать? А матери у Сидора не было, развелись, когда мальчику было два года, уехала, он даже не спрашивал – как и куда. Отец его воспитал, отец. Всему, что умею – я у тебя научился. Больше не у кого, в самом деле.

Борис Нордман, Поручик. Суетливый, хаотичный, подвижный. Откуда прозвище? Вероятно, еще с восьмого класса, когда, едва ли не впервые напившись, Нордман похвастался, что он – из княжеского рода Голицыных. Вероятно, хотел, чтобы его называли Князем, но Альперович тут же заметил, что Нордман наверняка происходит не от князя Голицына, а от Поручика Голицына, который бухал с корнетом Оболенским, когда большевики вели их девочек «в кабинет». Нордман подкрутил воображаемый ус, объявил девочек-с у меня никому еще увести не удавалось!, но прозвище Поручик прилипло навсегда. Все, что он сделал – объявил себя Поручиком Ржевским: он действительно был скорее похабник, чем остряк. Разбогатея, Поручик сделал из прозвища хобби и начал скупать все, что могло иметь отношение к знаменитому герою 1812 года: комплекты гусарской формы, фарфоровые статуэтки, шпоры, сабли и полковые знамена...

Леня Онтипенко, толстый, нескладный, в круглых очках на рыхлом лице. В детстве ходил в музыкальную школу, но мечтал быть поэтом. Пописывал стихи, стеснялся показать даже родителям, не говоря уже о девочках, в которых начал влюбляться со второго класса. Неисправимый романтик – кем же еще быть сыну скрипачки и дирижера? С детства слышал историю о том, как папа увел маму у первого мужа, партийного босса, увел, несмотря на то, что старше мамы на пятнадцать лет, а мама была юной красавицей: до сих пор по всему дому висят ее фотографии, со скрипкой и без. Впрочем, если говорить о музыке, то Леня предпочитал рок и даже пытался организовать в школе небольшую группу – увы, безрезультатно. Он позже всех пришел в бизнес, до последнего момента сопротивляясь предложениям Сидора и Поручика: однако работа в музыкальной библиотеке, куда он попал после института (да и то – после папиного звонка директору) не давала ни денег, ни славы. Стихи постепенно забросил, как и музыку в свое время.

Андрей Альперович, нервный, худощавый брюнет; человек, похожий на Будду, главный интеллект в классе, ближайший Ленин друг, сын двух мэ-нэ-эсов, время от времени таскал в школу Самиздат и пересказывал передачи «Голоса Америки». Пошел в «керосинку», прекрасно закончил и почти сразу же занялся коммерцией, поначалу – вместе с Поручиком, потом – под прикрытием комсомольских кооперативов Сидора. Он придумывал самые удачные и парадоксальные схемы и считался мозговым центром всей компании. Последнее время у него какие-то отдельные дела – Сидор, улыбаясь, говорил жадность фраера сгубила, потому что в глубине души до сих пор считал Альперовича фраером, не в блатном смысле слова, а просто – слишком легковесный, слишком нервный, сразу видно – пороха не нюхал, в армии не служил. Я бы еще подумал, идти ли с тобой в разведку, говорил Сидор, но на самом деле знал: конечно, идти. Если не доверять друзьям – то кому же?

Роман Григорьев, молчаливый, полусонный. Они не дружили с ним в школе, претил комсомольский задор, считали, что Ромка скуповат, в гости на день рождения не позовет, принесет только в школу каких-нибудь конфет подешевле – и все. Только потом узнали – рос вдвоем со старшим братом у матери-одиночки, в полной нищете. Какой уж тут день рождения, дай бог, чтоб на еду хватило. Потому и рвал горло на собраниях, вписывался в любые летние лагеря, поездки для комсомольского актива – неделя на казенных харчах, скажи плохо? Почти все силы уходили на то, чтобы не показывать своей зависти: у одноклассников всегда деньги, новая одежда, у Онтипенко – фирменные джинсы, а Нордмана – магнитофон «Грюндиг», даже у Сидора костюм, в котором он ходил на вечеринки. Рома носил перешитые вещи старшего брата, а чаще всего – школьную форму. Произнося на собраниях заученные речи о странах капитала, где все покупается и продается, он думал, что деньги – везде деньги, и в СССР тоже все можно купить и продать, просто для этого есть черный рынок, брат рас-

сказывал, еще до того, как сел за компанию с друзьями, решившими организовать подпольный цех по пошиву «импортных» шмоток. Они не успели даже продать первую партию товара, когда к ним вломились менты: похоже, конкуренты сдали. Рома остался с матерью – и поставился забыть о больших деньгах. Он знал: второго ареста мать не переживет. В институте был комсоргом курса, потом – освобожденным секретарем. Когда случилась перестройка, понял: теперь можно. Подобно Сидору, стал комсомольским коммерсантом – но работать вместе они начали позже: чересчур сильна была старая неприязнь.

С Женей они поженились в 1990 году. В школе Женя была толстушкой, никто из мальчиков даже не смотрел на нее, но потом вдруг неожиданно похорошела. Она окончила пединститут и работала редактором в каком-то издательстве. Роман взял ее в дело, чему-то подучил, что-то сама поняла и через год-другой стала равноправным партнером. Конечно, думал Роман, она должна помнить, кому всем обязана, – но никогда не говорил об этом вслух, ни ей, ни другим. Женя была красавица, этим все сказано: красота – тоже форма капитала, как деньги, на красоту тоже можно купить почти все. Рыжеволосая, стройная, длинноногая... ей шли дорогие платья, бриллиантовые кольца, золотые украшения. Сейчас ее тело стыло в морге, а Горский пытался представить себе Леру.

Лера, как говорится, из хорошей интеллигентной семьи. Родители не то переводчики, не то филологи, дом – огромная библиотека, шкафы до потолка, книги по всей квартире. Однажды, застав семилетнюю дочь перед зеркалом, мать устроила ей выволочку: что ты кривляешься, тоже мне красавица, приличные девочки так себя не ведут! Эти слова Лера слышала с тех пор не раз: приличные девочки так не одеваются, приличные девочки не слушают такую музыку, приличные девочки не носят побрякушек, тоже мне красавица, вырядилась, смотреть стыдно... Лера хотела быть приличной девочкой, стала одеваться в мешковатые платья, так и не проколола уши, старалась больше читать и вовсе не ходить на вечеринки. Мать столько раз повторяла тоже мне красавица, что Лера научилась стыдиться своей красоты и прятать ее. Но характер не изменишь: танцевать она любила, смеялась кокетливо, мальчики ходили за ней с пятого класса. Она поступила на филфак, а в девяностом на три с лишним года уехала в Лондон по какому-то феминистскому гранту Британского совета. В Москву вернулась всего месяц назад.

Ах да. Когда-то она была ближайшей подругой Жени.

Нет, наверное, Горский не сразу увидел их такими. Наверное, потребовалось несколько недель интенсивного вруба и новые рассказы Антона, чтобы все семеро предстали перед Горским как живые. Горский вспоминает: в первый вечер он предложил Антону сыграть в китайскую рулетку.

– Вроде игры в ассоциации, – объяснил он. – Вот скажи мне: с каким веществом ассоциируется каждый из них?

– Ну, Поручик – с водкой... водка ведь тоже наркотик, да?

– Так себе наркотик, – сказала Алена.

– Ну и Поручик так себе, – ответил Антон. – Кто там дальше? Лера, наверное, что-нибудь восточное... медленное и тягучее. Гашиш, скажем, или опиум... хотя нет, опиум – это Роман. Он все время как будто полусонный – и без малейшего намека на просветление. Тогда Женя, наверное, кокаин...

– Да, – сказала Алена, – у них, выходит, был не брак, а сноубол.

– Неудивительно, что они ссорились...

– Видишь, – сказал Горский, – какая хорошая методика. Кто там остался: Сидор?

– Ой, не знаю. Что-то такое агрессивное... может, винт? Нет, для винта – слишком спокоен. Думаю, какие-нибудь смеси... немножко одного, немножко другого... водка с кокаином... нет, не скажу.

– А Леня Онтипенко?

– Думаю, этот вообще ни с какими наркотиками не ассоциируется... разве что с табаком.
– Безмазовый мужик, одним словом, – засмеялась Алена.
– Постой... помнишь, Горский, ты рассказывал про smart drugs – вот оно и есть! Ноотропил какой-нибудь.

– А Альперович?
– Не знаю. Наверное, грибы. Видно – самый продвинутый.
– Пусть кислота будет, – предложила Алена.
– Нет, не до такой степени все-таки... грибы – в самый раз. Да и кислота как-то мрачно звучит сегодня...

Вот так они сыграли тогда, вспоминает Горский. Где-то лажанулись наверняка. Что поде- лать – первый, грубый набросок. Под конец беседы Антон вспомнил одну сцену, и почему-то всем показалось – очень важную:

– Где-то за полчаса до Жениной смерти я шел по галерее, посуду относил, и услышал, как Женя с кем-то говорила... я мимо проходил, не смотрел на них, да они и спиной стояли. Я только услышал, мужчина ей сказал: Ты же знаешь, я люблю только тебя.

Они закурили очередной косяк, Алена спросила Горского: как думаешь, кто убийца? Горский ответил Элементарно, Ватсон, повернулся в профиль, попытался выпустить колечко дыма. Они засмеялись, а потом Горский сказал, что он, конечно, скорее Ниро Вульф, чем Шерлок Холмс, такой же домосед. Антон заявил, что будет Арчи Гудвином, а вместо орхидей Горскому надо разводить ганджу. Ганджу или кактусы, добавила Алена, или даже цветы какие-нибудь... галлюциногенные. И когда она сказала «цветы», Горский подумал, что самое стран- ное в этой истории – слова про последний лепесток.

Лепесток первый

Февраль, 1976 год

Значит, представим себе двух девочек. Рыженькую и черненькую. Сидят на диване, поджав ноги, тапки на полу, включенный телевизор. Сидят, смотрят зарубежный журнал. Они думают, это журнал мод, но, может, это «Life», «Rolling Stone» или просто дешевый каталог. На картинках – высокие стройные девушки. Видишь, какую вышивку теперь делают на джинсах... и туфли, посмотри, какие туфли! Им двенадцать лет, они уже почти взрослые, учатся в пятом классе, делают домашние задания, читают учебники, пишут контрольные. Родители говорят – надо учиться, жаль, не объясняют – зачем. Можно ли научиться тому, что интересно, тому, что хочешь узнать? Вышивке на джинсах, умению ходить на каблуках, поворачивать голову, улыбаться загадочно? Или даже – тому, что будет через пять лет, через десять, через восемнадцать.

Тема урока: уроки, которые преподаст вам жизнь. Домашнее задание – задание от слова «дом»: Подумайте о том, что у вас тоже будет свой дом. Как вы его обставите? Знакомы ли вам слова «микроволновка» и «видеомагнитофон»? Как вы думаете, что они означают? Контрольная работа: ответьте на вопрос – что такое «контроль»? Что собираются проконтролировать учителя, проверяя ваши работы? Что вы сами контролируете в вашей жизни? А в жизни других людей? Какие люди контролируют вашу жизнь? Назовите имена, напишите в столбик, посчитайте их средний возраст.

Рыженькая и черненькая. Сидят на диване, смотрят журнал, даже не слышат голосов по телевизору, аплодисментов, переходящих в овацию. Завтра контрольная по алгебре, говорит рыженькая. Толстая, нескладная, она похожа на огромную мягкую игрушку, забытую выросшей хозяйкой на диване. Рыженькую зовут Женя Королева. Через восемнадцать лет в холле загородного дома она будет глотать воздух открытым ртом, упадет на пол, затихнет.

Тема урока: оказание первой помощи при отравлении. Домашнее задание: перечислите все ядовитые вещества, которые хранятся в вашем доме. Контрольная работа: поднесите зеркала к пострадавшему ко рту, проверьте, жив ли пострадавший.

Завтра контрольная по алгебре, говорит рыженькая, а я ничего не знаю, я опять получу пару, мама будет ругаться, не пустит в кино в субботу. Да ладно тебе, говорит черненькая, спишь у меня, или у Нордмана, или еще у кого-нибудь. У черненькой длинные ноги, узкая талия, уже заметная грудь. На ней – мешковатое советское платье. Ее зовут Лера Цветкова, подруги называют ее Цветик, она почему-то обижается.

Брежнев по телевизору толкает нескончаемую речь, XXV съезд КПСС, голосование поднятием партбилета.

Тема урока: история и арифметика. Домашнее задание: угадайте, какой номер будет последним для съезда КПСС? Предполагая, что съезды происходят каждые пять лет, посчитайте, сколько еще осталось. Контрольная работа: ответьте на вопрос «доживет ли СССР до 1984 года?»

Две девочки, рыженькая и черненькая, даже не знают, что можно задаваться такими вопросами. Иногда они спрашивают друг друга: Как ты думаешь, мы когда-нибудь поедем

за границу? или Помнишь, когда Никсон приезжал, американские мультики по телику показывали? Они не думают, что американские мультики могут надоесть, если их смотреть каждый день по нескольким программам. Они не знают, что телеканалов бывает больше четырех.

Лера щелкает переключателем: по другой программе то же самое. Выключает звук, подходит к проигрывателю «Аккорд», выуживает из стопки пластинок заезженную еще в прошлом году «По волне моей памяти» и прицелившись, опускает иголку прямо на третью песню. Во, эта самая классная! говорит она.

На французской стороне
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете.

Тема урока: что нам предстоит? Домашнее задание: представьте себе, что вы попали во Францию. Как вам это удалось? Контрольная работа: представьте себе, что вы попали на чужую планету. Как вам это удалось? Оцените сравнительные вероятности этих двух событий.

До чего тоскую я – не сказать словами... подпевает Лерка, крутит попой перед телевизором, смеется. Женька в самом деле тоскует, сидит на диване, поджав ноги, повторяет завтра контрольная по алгебре, я ничего не знаю, я опять получу пару. Лерка не слушает, хихикает, напевает:

Тихо плещется вода
В стенках унитаза,
Вспоминайте иногда
Колю-бодолаза.

Тема урока: что мы вспомним? Домашнее задание: иногда – это как часто? Контрольная работа: представьте себе, что вам тридцать лет. Вы пытаетесь вспомнить сегодняшний день. Что вам запомнилось?

Что запомнилось? Брежнев, рыбой открывающий рот по телевизору? Давид Тухманов на советском проигрывателе? Зарубежный журнал, перевернутый вверх обложкой? Две девочки, рыженькая и черненькая, толстенькая и худенькая, дурнушка и хорошенькая, грустная и веселая?

Не хочешь писать контрольную – заболел, говорит Лера, набей градусник. (Тема урока: как набить градусник?) Нет, со мной мама всегда сидит... я в прошлом году на батарею его положила, 41,3 показал! (Домашнее задание: как набить градусник, чтобы мама этого не поняла?) Плохо твое дело... (Контрольная работа: насколько твоя мама контролирует твою жизнь? Доверяет ли она тебе самой мерить температуру? Ходить в школу? Делать уроки? Ложиться спать? Как ты думаешь, сколько тебе будет лет, когда это все прекратится?)

Две девочки, рыженькая и черненькая, роются в пластинках, вынимают из конвертов большие виниловые диски, читают надписи, прячут в полиэтиленовые чехлы, убирают назад. Ничего, значит, у тебя нет, говорит Лера, будем дальше Тухманова слушать, – и переворачивает пластинку.

Я ее наизусть помню, говорит Женя, в прошлом году гриппом болела, все время слушала.

Тема урока: сколько пластинок за свою жизнь мы выучим наизусть? Домашнее задание: составьте их список, включите в него еще не вышедшие пластинки, а также магнитоальбомы и CD. Контрольная работа: восстановите жизнь вашего соседа, ознакомившись с его списком.

А потом меня таблетками траванули. У меня аллергия на эти... на антибиотики. А бабушка мне пенициллин дала с перепугу. Температура была – ого-го, и вся опухла.

Показывает руками – во как опухла. Глазки-щелочки, трудно дышать, голову заливают солнечным жаром. Мама, мама, что это?

Тема урока: вещества в нашей жизни. Домашнее задание: перечислите лекарства, которые могут причинить вред при неправильной дозировке или индивидуальной непереносимости. Перечислите вещества, которые могут принести пользу при правильной дозировке и надлежащем качестве. Контрольная работа: контролируйте дозировку и качество веществ, которые вы принимаете. Не забывайте о вреде, который вы причиняете своему здоровью, употребляя наркотики, а также – об возможной уголовной и административной ответственности.

Хочешь не пойти завтра в школу? говорит черненькая. Я сбегая домой, принесу таблеток, твоя мама придет, ты будешь горячая, как солнце!

Горячая, как солнце. Февраль месяц, солнце холодное, снег на улице, очереди за мандаринами. Лера, не застегнув куртку, бежит в соседний подъезд, возвращается через пять минут, машет рукой Женьке, застывшей у окна. В руке – пачка таблеток. Да, да, те самые!

Что происходит дальше? Откуда берутся слова про цветик-семицветик? Может, Женя называет так подружку? Может, Лере самой приходит в голову, что сегодня она – исполнительница желаний? Она ломает таблетку пополам и встав на цыпочки поднимает руку над головой. Повторяй за мной, говорит она Жене:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли,
Быть по-моему вели.

– Вели, чтобы я завтра не пошла в школу! – кричит Женя, и Лера опускает ей таблетку на язык, словно облатку, словно марку кислоты, словно кругляш «экстази». Я, Юлик Горский, глядя на танец снежинок за окном, вижу двух девочек, рыженькую и черненькую, включенный телевизор, пластинку, забытую на проигрывателе, упаковку таблеток на столе, портфель в углу, разбросанные учебники и тетради. Сколько ни зубри уроков, не подготовишься к жизни. Сколько ни пиши контрольных, не угадаешь будущего. Лети, лети, лепесток, лети, не опускайся, не касайся земли, помедли еще минуту. Сейчас исполнится первое желание, глупое, детское желание, рыженькая девочка не пойдет в школу, солнечный жар ударит в голову, сами собой закроются глаза. Лети, лети, лепесток, восемнадцать лет впереди, счастливого полета, лети, лети... там, на чужой планете, вспоминайте иногда двух девочек, рыженькую и черненькую, дурнушку и хорошенькую, грустную и веселую, двух девочек, что сидят, поджав ноги, на диване, зарубежный журнал в руках, лицо Брежнева на телеэкране, неделанные уроки, непрожитая жизнь.

Странно представить, думает Олег, когда-то в детстве я любил милиционеров. Мне казалось, они могут меня защитить. Когда одноклассники пинали ногами портфель в талом снегу школьного двора, я мечтал, что сейчас во двор войдет этаким дядя Степа, высокий, в сапо-

гах, с лампасами, в фуражке, в форме, скажет: Что тут происходит, ну-ка прекратить! – и все закончится, пацаны разбегутся, никогда больше не будут наваливаться на меня втроем, вчетвером, впятером, отбирать вещи, смеяться, больно щипать на большой перемене. Другие дети мечтают о сильном старшем брате, о папе, который придет в школу и всем покажет – я знал, мой отец в школу не пойдет, – мальчик должен быть сильным, почему ты им не врезал? – и милиционер был моей единственной надеждой, увы, так и не сбывшейся.

Когда я перестал им доверять? думает Олег. Когда я понял, что они берут взятки, избивают задержанных, воруют деньги и вещи? Когда милиция исчезла, и остались одни менты? Пять лет назад? Восемь? Но точно – задолго до того, как появились причины опасаться, задолго до травы, грибов, таблеток. И даже когда мне совсем нечего скрывать, я не могу побороть брезгливости.

Вот и сегодня: сняли отпечатки пальцев, час продержали в обезьяннике, заканчивали какие-то свои дела, потом начались вопросы: когда вы познакомились с покойной, что вас связывало, как вы оказались в ее квартире. Да ничего не связывало, да всю жизнь был знаком, у нас дачи рядом, родители вместе работали, попросили подвезти. Зато отпечатки пальцев теперь у них есть, тоже мне радость. Хорошо еще, ничего при себе не было, но все равно – полдня потерял, за травой так и не заехал, к Горскому иду пустой, нехорошо.

Знакомая квартира, Горский в кресле, незнакомый парень вдвух паровоз художавой брюнетке. Девушка шелкает пальцами, парень вынимает косяк изо рта. Присоединяйся, говорит Горский. Брюнетка оборачивается, и я узнаю Алену. Она смеется, дымок легким облачком изо рта. Надо сказать ей, Мила ведь была на том дне рождения, два года назад, мы еще съели все грибы, точно, конечно же. Наверное, они были подруги, не то что я, ничего не связывало, только дачи рядом, родители вместе работали.

Она вздрагивает, как только я называю имя, говорит мы уже год не виделись, ах да, учились вместе. Не знаю, как выдержать правильный тон, словно извиняюсь: она сегодня под машину бросилась... насмерть... Алена замолкает, а парень говорит что-то типа день, конечно, не задался, и нервно смеется. Я рассказываю, стараюсь не смотреть на Алену, говорю Горскому и этому парню, мол, нас ничего не связывало, только дачи рядом, родители вместе работали, подвез маму с папой к дому, вот как получилось. Горский слушает молча, только один раз переспрашивает: Как ты сказал, Дингард?, а я забиваю себе косяк, потому что целый день на нервах, надо же расслабиться. Парень, его зовут Антон, затягивается, передает Горскому, Алена качает головой, говорит мне завтра на работу рано, я просплю, и лицо у нее совсем застывшее, хотя, конечно, я не слишком хорошо знаю Алену, тоже ничего не связывает, курили пару раз вместе, не более того. Мы добиваем косяк, Алена с Антоном уходят, я остаюсь у Горского, и зачем-то рассказываю еще раз, с самого начала, с подмосковного шоссе, банок варенья, тяжелых сумок, вопросов Зары Александровны. Понимаешь, говорю я, нас ничего не связывало, только дачи рядом, родители вместе работали, но я не могу понять: как же так? Один неверный шаг – и все, ничего нет. Я хочу быть сильным, Горский, хочу держать свою жизнь в своих руках. Я говорю себе: со мной не может такого случиться, но мы же знаем, мы знаем: безумие всегда близко. Мы надеемся, что научились принимать вещества, рассчитывать дозы, брать только у проверенных дилеров, но вдруг что-то пойдет не так, представь, Горский? Мне кажется, я держу жизнь в своих руках, все под контролем, я отвечаю за все, ты знаешь, я работаю над этим, но вдруг? Один неверный шаг, вот что отделяет нас от смерти, Горский, ты понимаешь? Я приколачиваю еще один косяк и говорю: вот это меня и волнует, ты понимаешь, а вовсе не эта девушка, нас ничего не связывало, только дачи рядом, родители вместе работали, мне, собственно, нет до нее дела.

А Горский спрашивает:

– Ты уверен?

Паровоз вдувают рот в рот – говорят, все дело в том, что дым охлаждается и потому действует сильнее, но Антон всегда считал, что, как и во многих травяных делах, здесь главное – ритуал. И еще – когда вдуваешь паровоз, это похоже на поцелуй.

Впервые Антон попробовал траву в одиннадцатом классе. У него намечался роман с Настей из его параллели, и однажды дома она достала беломорину, спичечный коробок и два карандаша. Паровоз заменил им первый поцелуй – и, хотя этим все и кончилось, Антон как-то по-особому волновался, когда вдувал паровоз красивой девушке.

Вообще-то Антон не любил собственного возбуждения. Тупое, одномерное желание. Вот потому трава лучше алкоголя: влечение рассредоточено, а не направлено на какую-то одну женщину. Эротизм будто разлит по всему миру. Иногда, покурив гашиша, Антон мог целый вечер гладить обивку кресла, поверхность стола, собственный рукав... тактильные ощущения – это было нечто!... в такие моменты мысль о сексе просто нелепа.

Антон никогда не понимал лозунга «sex, drugs, rock-n-roll». Для него секс и наркотики – противоположность. Нет, конечно, он занимался любовью под травой или «экстази», точнее, только в таком состоянии он любовью и занимался, но если вещества представляли для Антона высшую ценность, то секс был всего-навсего еще одним способом приятно провести время в том состоянии, когда уже все равно – танцевать, смотреть по телевизору «магазин на диване», слушать музыку, пить чай, играть в крестики-нолики или заниматься любовью. Оно получалось само собой: примешь таблетку, начинаешь танцевать, кто-то трогает тебя, кого-то трогаешь ты, потом целуешься, потом уже неудобно сбежать.

Он сам не знал тем вечером, почему решил проводить Алену. Молча они дошли до метро, мимо неподвижного милиционера направились к турникетам.

– Хороший город Москва, – сказал Антон. – Идешь обкуренный – и нормально. Вот если б я был пьяный – точно бы привязались.

Алена молчала, но Антон продолжал рассуждать, что в России психоделики и трава всегда будут наркотиками для избранных, быдло пусть пьет свою водку, а менты пусть их ловят. Я уверен, говорил Антон, что и через пять, и через десять лет будет так.

Алена ничего не отвечала, и Антон спросил:

– А ты хорошо знала Милу?

Она рассказала – были подруги, еще с детского сада, почти всю жизнь вместе, вот год назад поругались, так жалко, ничего уже не поделаешь. Чего поругались? спросил Антон, Алена ответила: Из-за мужика, – и голос ее дрогнул. Ладно тебе, сказал Антон и обнял ее за плечи.

Антон не любил собственного возбуждения. Вчера Лера не дала ему опомниться: ботинки, платье, корсет, огромная грудь, складки плоти. Она была не в его вкусе: Антон предпочитал миниатюрных брюнеток типа Алены. Лера была старше, Лера была решительна и активна в постели, Лера не давала ему перевести дух, она кончала, содрогаюсь всем телом, перекатываясь складками, вздымаясь волнами. Нет, совсем не в его вкусе – но вот сейчас он обнимал за плечи всхлипывающую Алену, а перед глазами снова и снова поднимались холмы грудей, перекатывались барханы плоти.

У выхода из метро выстроились старушки, пожилые пионерки рыночной экономики. Они продавали яйца, хлеб, молоко – все то, что днем купили в магазинах, а ночью вынесли на продажу. Милиция гоняла их, но вполсилы, и, покупая поздно вечером батон или кусок сыра,

Антон замечал: покупка эта обставляется с таинственностью, достойной настоящих барыг. И так, они миновали старушек, бесконечно долго шли между киосков, потом свернули куда-то вбок и через десять минут оказались в темном Аленином дворе. Шли молча, обнявшись, словно превратившись в единый четырехногий механизм. Как иногда бывало под травой, движение полностью захватило Антона. Хорошая шмаль у Горского, подумал он, два косяка – а вставило руту!

В прихожей у Алены горел свет. Будто оправдываясь, она сказала:

– Не люблю приходить в темноту.

Маленькая съемная квартирка, комната, кухня. Из мебели – раздвижная тахта, большой шкаф и телевизор с видеоманитофоном на табуретке. Антон представил, как по вечерам Алена смотрит тупой американский фильм, курит косяк, надеется, что трава сделает кино чуть интереснее.

Алена предложила чаю, Антон кивнул. Было неловко. Надо что-то сделать... попрощаться и уйти, обнять и поцеловать, сказать что-нибудь, в конце концов.

– Отличная у Горского трава, – сказал он.

– Это Васькина, – сказала Алена. – Хочешь, я тебе отсыплю?

Антон согласился, Алена пересыпала коноплю из металлической баночки в самодельный кулек. Антон смотрел ей через плечо и никак не мог отделаться от наваждения: слышал шумное Лерино дыхание, видел, как падает на пол расстегнутый корсет, освобождаются огромные груди... взяв пакетик, вышел в прихожую, сунул во внутренний карман, завернул в ванную. Вымыл руки, смочил лицо водой, подумал: «Надо либо уходить, либо трахнуть ее немедленно». Антон не любил собственного возбуждения, не понимал, что с ним сегодня происходит. Может, вожделение – как венерическая болезнь, думал он, Лера передала мне, а я должен передать Алене и вернуться в свой привычный, безопасный мир, где от других людей не надо ничего – кроме веществ или денег на вещества.

Мельком он подумал о Косте – вот у кого много денег, вот уж кого интересуют женщины! – подумал о старушках у метро – вот уж у кого не будет денег, сколько бы не продавали они по ночам хлеб и яйца! – и вышел на кухню.

Обнял Алену, заглянул ей через плечо. В руках она держала неумело нарисованную картинку: семь башен высились под синим небом, уже расплывающимся от слез.

Они занимались любовью прямо на ковре. Алена рыдала, и сначала Антон пытался утешить ее, слизывал слезы со щек, говорил какие-то ласковые слова, целовал нежно, старался соответствовать моменту, но чем дальше, тем больше им овладевал какой-то амок, словно в Васину траву насыпали стимуляторов. Он двигался все резче и резче, быстрее и быстрее, Алена всхлипывала где-то далеко внизу – не то от удовольствия, не то в истерике. Вдруг она приподнялась, выскользнула из-под Антона, стала на четвереньки.

– Давай так, – сказала она и снова зарыдала. Глядя на Аленин выпирающий позвоночник, Антон снова увидел полную спину Леры, колыхание плоти, барханы грудей – воспоминание будто прибавило ему сил. Закрыв глаза, он задвигался, быстрее, еще быстрее, чувствуя, как член превращается в деталь неведомой машины. Каждый толчок исторгал из Алениных глаз новые потоки. С последним содроганием Антон рухнул, Аленины руки подломились, она уткнулась лицом во влажное пятно собственных слез.

– Это я ее убила, – сказала она, – я.

Несколько лет назад Поручик, устав от жалоб своей Натальи – квартира превращается в склад, в филиал исторического музея! – купил небольшой подвал в центре Москвы, куда сгрузил свои сокровища. Поручик с Натальей все равно развелись через полгода, но теперь в подвале Поручик хочет открыть клуб «Ржевский», первый гусарский клуб в новой России.

Зимней ночью в пустой квартире Горский представляет Поручика и Сидора. Они пьют уже вторую бутылку «Абсолюта», Поручик размахивает руками, тербит черную бородку, почти кричит. Ты не въезжаешь, говорю тебе, ты не врубаешься! Это не стеб, это не хохма. Ржевский – это символ русского духа! Символ свободы! Идеальный символ! Владимир Сидоров невозмутимо наливает еще по пятьдесят и говорит:

– Чушь.

Сидор пьян, он устал спорить. Он любит Поручика, но эта игра его тяготит. Реальный Ржевский, если и существовал, был прежде всего офицером. Воином. Патриотом своей страны. Героем войны 1812 года. Это – главное, без этого нельзя понять ни анекдотов, ни похабных шуток. Но вряд ли удастся объяснить это Боре Нордману.

А Поручик, выпив водку, все кричит и размахивает руками. Никто не хочет жить, как в Европе! Никто не хочет жить, как в Штатах! Даже если вкалывать днем, как в Штатах, – то отдыхать вечером, как в России. И тут – наш «Ржевский»!

При чем тут Штаты и Европа? думает Сидор. Если бы Поручик спросил меня, я бы сказал: наш ориентир – Япония. Кто такие русские офицеры? Те же самураи. Верность, решительность, честь смолоду, жизнь за царя. Такими мы и должны быть, чем бы ни занимались. Служба – так служба, работа – так работа, бизнес – так бизнес. Но Поручик не спрашивает, а продолжает говорить. Вся Америка вкалывает на свою пенсию, а мы не рассчитываем до нее дожить! Вспомни Димона – вот тебе классический случай!

Сидор помнит. Классический случай, ничего себе. Димон украл деньги, чужие деньги, украл по-глупому, не замечая следы, надеясь сбежать. Украл мало – всего полмиллиона. Этого не хватит, чтобы спрятаться. Поручик говорит, символ русского бизнеса? Спроси Поручик меня, я бы сказал, что Димон – просто перепуганный человек, дурачок, обалдевший от легких денег, мужчина, лишенный понятия о чести. Не самурай. Не русский и не бизнесмен.

Но Поручик не спрашивает, ему нравится эта история. Ему нравится бессмысленность, глупость, абсурд. Пока у нас есть такие люди, Америки здесь не будет. Нам не нужен комфорт и надежность, мы ценим напор и грязь! Спроси Поручик меня, я бы рассказал ему про напор и грязь, думает Сидор, я бы рассказал, что такое марш-бросок в полной выкладке. Но Поручик не спрашивает, а рассказывает про секс в России и в Америке, хотя в Америке никогда не был, только по виду смотрел. Но какой бы он был Поручик, если бы не говорил о сексе? Идеальный секс в Америке – это когда молодая девка с огромными титьками отсасывает и при этом визжит от восторга, не вынимая изо рта. Хошь – бесплатно, хошь – по обговоренному тарифу. А у нас идеальный секс – это секс наперекор всему, уже не хочешь ебать – а ебешь!

Спроси Поручик меня, думает Сидор, я бы рассказал ему про идеальный секс. Потому что идеальный секс, единственно возможный секс, – это секс по любви. Когда раздеваешь девушку – словно ныряешь в прорубь. Когдаходишь в нее, словно душу раскрываешь. Когда тебе неважно, что она уже давно живет в другой стране и вы встречаетесь, лишь когда ты прилетаешь повидать сына. Неважно, что она давно тебя не любит, неважно, любила ли она тебя когда-нибудь, неважно, что потом она оденется и уйдет и, может, спишет эти два часа в графу необходимых затрат, расходов за щедрое содержание, за деньги, которые ты все равно давал бы. Давал бы, даже если бы она не приходила к тебе в номер лондонского отеля на те два часа – бутылка «Дом Периньона», огромная кровать, «ну, за встречу!», а потом руки сами находят застежку на платье, а сердце замирает, словно в первый раз. Но Поручик не спрашивает, он переходит от секса к выпивке – какой бы он был Поручик, если бы не говорил о выпивке? Что

такое русская выпивка? Это выпивка через «не хочу». Демьянова уха. Широта русской души! Льется из ушей!

Спроси Поручик меня, думает Сидор, я бы сказал ему, что две бутылки на двух самураев русского бизнеса – это не через «не хочу», а в самый раз. Но Поручик не спрашивает меня, а, неожиданно замолчав, допивает последнюю рюмку.

Понятно, он пришел говорить о деле. Вот теперь, после двух бутылок, он спрашивает, уже в который раз, можно ли получить долю в нашем фонде? Я снова ему объясняю: нам не нужны инвестиции. Что такое фонд? Это организация, получившая льготы. В нашем случае – таможенные. Мы платим взятки, чтобы эти льготы получить. Мы откатываем часть прибыли наверх и работаем как альтернативная таможня. Можно считать это новым словом в рыночной экономике: свободная конкуренция между различными негосударственными таможнями. То есть фондами. Какие еще деньги сюда можно ввести? Я же не могу отдать тебе свою долю?

Поручик отодвигает пустую бутылку, говорит: так отдай чужую, уговори Ромку продать Женькину! Я объясняю – хотя, кажется, он и так знает, – что Женькина доля делится на нас всех: на Леню, Рому, Альперовича и меня. У нас, говорю я, был такой уговор: если кто-то выходит из дела, его доля делится между всеми. Честно говоря, я придумал это из-за Машки. Пусть она знает: случись что со мной, ей ничего не достанется. Плохо не доверять собственной жене – пусть она и живет в Лондоне и встречается со мной, лишь когда я прилетаю повидаться с сыном, – плохо, но самурай должен быть настороже. Если бы Поручик спросил меня, когда женился на Наталье, она бы потом не обобрала его до нитки. Но он меня не спросил тогда, зато сейчас спрашивает: а как ты думаешь, кто принес Женьке эту отраву?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.